

БИБЛИОТЕЧКА
НАЧИНАЮЩЕГО
ОХОТНИКА

М. П. Смирнов

ОХОТА НА ЗАЙЦЕВ И ДРУГИХ ГРЫЗУНОВ

Николай Павлович Смирнов

**Охота на зайцев
и других грызунов**

**Издательство «Физкультура и спорт».
Москва**

1957 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

От автора
Робинзоны в русском лесу (вместо предисловия)
Охота на зайца
Охота на белку
Летяга
Охота на бурундука
Животные-подводники
Речной бобр
Ондатра и нутрия
В степных просторах
Суслик
Сурок
Хомяк
Тушканчик
О спорте смелых (послесловие)

ОТ АВТОРА

В этой книжке сделана попытка дать более или менее подробное описание охоты на зайца, белку и некоторых других животных, относящихся к семейству грызунов.

Любительская охота на грызунов имеет в виду прежде всего именно зайца и в значительно меньшей мере белку. Охота на прочих грызунов: на бурундука, хомяка, суслика - носит лишь истребительно-промысловый характер.

Отсюда понятно, что, во-первых, очерки об охоте на зайца и белку занимают большую половину книжки и что, во-вторых, стиль ее - несколько неоднородный и неровный: в первой части, где речь идет о зайце и белке, он художественный, насколько это, конечно, в силах и возможностях автора, во второй - более сух, деловит и энциклопедичен. Это вполне закономерно: рассказывая об охоте на зайцев и белок, автор исходит из личного опыта и собственных наблюдений; во всех остальных случаях он в значительной мере вынужден ограничиваться литературными данными.

Включенный в книжку очерк о бобре не имеет практического значения, поскольку охота на бобров повсеместно запрещена законом.

Этот очерк ставит своей целью хотя бы кратко познакомить молодых охотников с интереснейшим представителем семейства грызунов и придать, таким образом, книжке необходимую тематическую полноту.

В предисловии молодой читатель вводится в романтический мир охоты, каким он запомнился автору по его отроческим впечатлениям. Автор считает, что, говоря об охоте, надо не только перечислять ее способы, но и показывать ее красоту и поэзию.

В послесловии содержатся некоторые советы и наставления молодым охотникам. Вполне вероятно, что большинство из них не новы и встречаются и в других выпусках этой "библиотечки". Автору кажется, однако, не лишним еще раз напомнить молодым собратям по страсти их обязанности на охоте, особенно о соблюдении всех охотничьих правил и об осторожности в обращении с ружьем.

РОБИНЗОНЫ В РУССКОМ ЛЕСУ (Вместо предисловия)

Мне было двенадцать лет, когда я прочитал незабываемую полусказочную книгу

"Робинзоны в русском лесу". В книге рассказывалось о двух мальчиках-охотниках, проживших целый год в уединенной лесной избушке, построенной собственными руками. Мальчики охотились, обзавелись хозяйством, приручили лося, добывали птицу и зверя. Я переживал ощущения и приключения юных охотников с необычайной живостью. Перед моим взором вставали, будто в действительности, заповедные лесные чащи, светлели озера и реки, расстилались бесконечные дороги, по которым бродили мои ровесники-следопыты. Особенно волновала меня маленькая избушка, приютившаяся среди огромных сосен и дубов. В осенние и зимние вечера в избушке пламенела печь, у огня отдыхали две собаки - гончая и лайка, а охотники готовили ужин, чистили ружья, любовались добытыми зайцами, белками и глухарями.

Книга говорила не только о красоте и радости охоты, но и о красоте и силе труда, который утверждает могущество человека в природе. Пример двух маленьких следопытов показывал, что человек, обладающий упорством, мужеством и волей, преодолевает любые препятствия на своем пути.

Книга о двух юных "робинзонах", заблудившихся, но не пропавших в лесу, раскрывала охоту как источник неутомимости и предприимчивости, изобретательности и смелости. Образ охотника, нарисованный в этой книге, выступал как образ хозяина природы.

"Робинзоны в русском лесу" положили, кроме всего, начало моей первой мальчишеской дружбе. Сережа Киселев был на два года старше меня, он учился уже в третьем классе городского училища и, как я знал, был неутомимым охотником. Мы сошлись с ним однажды осенним днем в кузнице дяди Виктора, куда Сережа принес в починку свое ружье - легкую, прикладистую централку-однстволку 28-го калибра.

В кузнице полыхало малиновое "горно", и дядя, опоясанный кожаным фартуком, щипцами доставал из огня накалившееся добела железо, бросал его на наковальню и, крепко размахиваясь, бил и бил молотом. Откованные куски опускались в чан с водой - и вода начинала закипать и бурлить, охлаждая железо.

Мы с Сережей разговорились.

- У тебя ведь, кажется, "монтекристо" [Малокалиберная винтовка]? спросил он. - Ты, значит, бьешь больше ворон и галок?

- Я бью еще дроздов [Необходимо помнить, что в настоящее время охота на дроздов запрещена законом], - ответил я.

- Дроздов и я люблю бить: их очень много сейчас в деревнях, на рябинах, и в сухарских перелесках.

- Неужели ты ходишь так далеко?

- Это до Сухары-то далеко? - удивился Сережа. - Да это каких-нибудь пять верст... Недавно я два раза подряд прочитал книжку "Робинзоны в русском лесу"... там охотники уходили, действительно, очень далеко... а ведь они не старше нас с тобой. Вот книжка! Сегодня в третий раз сяду за нее!

- Я тоже только что прочитал "Робинзонов".

Мы взглянули друг на друга веселыми глазами - и я понял, что нашел верного друга и спутника по охоте. По блеску Сережиных глаз я видел, что то же самое чувствует и он.

Мы пошли вместе, продолжая охотничий разговор.

Я спросил:

- Ты, Сережа, кроме дроздов, бьешь еще какую-нибудь дичь?

Сережа улыбнулся.

- А то как же? За осень я взял шесть уток, четырех рябчиков, тетерочку и зайца...

Заметив, очевидно, недоверчивое выражение на моем лице, Сережа несколько обиделся.

- Не думай, что я прихвастываю, - я и "мазал" немало. Теперь вот все прикидываю, как бы собачку завести, лаечку. Белок нынче много, а белка, говорят, стоит дорого - полтинник шкурка. Набью сотенку - и у меня будет целое богатство: пятьдесят рублей!

Он о чем-то подумал, потом еще раз оглянул меня.

- Вместе, может быть, будем ходить на охоту? И вот мы тоже стали маленькими робинзонами.

Мы не пропускали почти ни одного дня: нас задерживали дома лишь дожди и бури. После школьных занятий я перекидывал за плечи "монтекристо" и ягдташ, насыпал в карман горстку патронов и заходил за Сережей. В праздничные дни мы уходили с утра, захватив с собой закуску и чайник.

Домик, где жил Сережа, стоял на одной из самых крутых и отдаленных городских гор. Гора густо, зарастала кустарником - зимой тут наваживались русаки, - а под горой лежала Волга, по которой в эти осенние дни непрерывно плыли медлительные и гулкие буксиры.

Отец Сережи, пожилой человек с казацкими усами, был сапожником - в домике всегда чувствовался запах шагрени и дегтя, слышалось ровное постукивание молоточка или хрустящий треск кожи под ножом. Старшая сестра Сережи строчила на машине или вышивала на пальцах, покрывая тонкий батист лебедями и розами, папоротниками и звездами. За работой она хорошо пела русские песни.

Сережу любили дома за скромность и хозяйственность, за отличные успехи в занятиях: он почти всегда шел первым учеником. У него была своя крошечная комнатуха, где над кроватью висели ружье, патронташ и сумка, а над столом - чучело голубой сизоворонки. Чучело было сделано самим Сережей. На столике ровными стопками лежали тетради и книги. Изящно переплетенные Пушкин и Гоголь - награды при переходе из класса в класс - были бережно обернуты золоченой бумагой.

Сережа встречал меня веселой улыбкой, придававшей его широкому скуластому лицу оттенок особого добродушия. Он надевал изношенную клетчатую курточку, старую рыжую шапку и осторожно брал в руки ружье, которым очень дорожил и гордился. Гордился он и охотничьими сапогами, подарком отца: сапоги были удобные, широкие, с двойной подошвой и ремешками на голенищах.

- Робинзоны двинулись, - весело говорил Сережа, пересчитывая в патронташе медные узкие патроны.

До чего же памятливы мне эти лесные, в особенности праздничные, скитанья, просторно открывавшие пленительный мир охоты!

Мы быстро спускались по скату горы, шли вдоль ключевой речки, входили в осенний лес. В лесу расходились и, перекликаясь ("гоп-гоп!"), неторопливо подвигались по вырубкам и дорожкам. Лес уже осыпался, но все еще радовал пышной яркостью красок. Если было ветрено, листья падали быстро, косым золотым ливнем; если день был тихим и звонким - они ложились неторопливо, с легким шуршанием. Особенно восхищали своими тончайшими узорами листья дуба и вяза, похожие на переводные картинки. Я подолгу любовался ими, смотрел сквозь них на солнце - и они наполнялись каким-то сумеречным светом, словно бумажные фонарики на зажженной праздничной елке. Самые красивые из этих листьев я опускал в сумку - для гербария.

Лесной мир, впервые открываемый и познаваемый, завораживал своей прелестью на каждом шагу. Лисьи норы и отнорки в овраге вызвали в памяти рисунки из охотничьих журналов: веселых охотников в зеленых куртках, пушистого багряного зверя и неуклюже грациозных так с кривыми лапками и острыми рыбьими мордами. Старые дубы со своими щербатыми стволами и могуче недоступной вершиной волновали думами о богатырях и великанах. Даже от желудей трудно было оторвать взгляд: так приятна была их литая тяжесть, их кофейный маслянистый блеск. Спелые, красноватые орехи, горстями насыпанные в сумку, перезванивали в ней, как детские игрушечные гусли. Засохшая смола, отламываемая с неохватной елки, напоминала сотовый мед.

В высоких и частых ельниках стоял полумрак. Овраги удивляли стремительной глубиной. Их песчаные скаты сверкали под солнцем, как бронзовые плиты. По дну оврагов катились студёные ручьи. Круглые чистые камешки светились в них зеленовато и влажно, будто виноградины. В оврагах обитали нелюдимые, сумрачные барсуки.

Сережа был старше меня не только возрастом, но и знаниями, касающимися жизни природы. Эти знания он приобретал как из книг, так и из своей охотничьей практики.

Сережа знал в подгородных лесах каждый уголок, где обитала дичь.

- Вот сейчас начнется рябчиковая грядка, - говорил он, когда мы, миновав опушку, входили в

березовые и осиновые заросли. - Иди тише, присматривайся и прислушивайся.

Мы опять расходились, и скоро, действительно, слышался треск крыльев: с земли поднимались рябчики. Где-то в стороне начинался тоненький свист: это посвистывал в пищик Сережа, подманивая птицу.

В этой памятной "гравке" и я добыл своего первого рябчика. Поднятый Сережей, он скользнул между березами и вдруг опустился невдалеке от меня на вершину елочки. Глаза мои затуманились, но я все же мгновенно поднял "монтекристо" и выстрелил пулькой "боскет". Я ничего не видел, слышал только какой-то удивительно приятный звук: рябчик упал на землю.

То был, вероятно, самый счастливый день в моей охотничьей жизни. Я почти непрерывно трогал рукой сетку, где лежал рябчик, с великим удовольствием носил в себе ощущение охотничьего полноправия, которое давала мне первая настоящая добыча. Не менее моего радовался и Сережа.

Но мы не только охотились, - мы внимательно и жадно наблюдали осеннюю жизнь леса.

Мы дивились разнообразию и пестроте деревьев, с удовольствием зарисовывая в свои альбомы из "слоновой" бумаги узорчатые листья дуба и перистые листья ивы. Мы срывали и уносили с собой целые букеты розоватых папоротников, которые так хорошо было писать дома акварелью. Нас восхищали своим синим и алым оперением сойки и плотники дятлы и поистине бросал в дрожь шорох случайно поднятого зайца. Сереже посчастливилось на одной из наших охот добыть молодого русачка, и мы никак не могли налюбоваться его красивой седой шубкой с бархатно-черным кушаком на спине.

- А заяц все же самая лучшая добыча! - сказали мы тогда в один голос.

Лес все больше терял разноцветную листву, становился сквозным и просторным, казался покинутым и опустевшим: гостившие в нем певчие и хищные птицы одна за другой отлетали в теплые края. Отлетали пеночки-веснички и зяблики, пропали седые луни и ястребы-перепелятники. Только пушистый филин, эта кошка на крыльях, оставался, как всегда, зимовать в нашем лесу. По вечерам далеко разносилось его гулкое и переливное "гуканье".

На смену отлетевшим певчим птицам прилетали новые - те, что проводили лето в северных лесах. Одни из них скоро улетали дальше - на юг, другие осаживались у нас на зиму.

Сережа, знавший по названиям многих из этих птиц, с удовольствием знакомил меня с ними.

- Это вот клест, - говорил он, указывая на ярко-алую птичку, которая легко и быстро, с коротким "поцкиванием", вышелушивала своим вытянутым клювом еловые семена из твердой, будто литой, еловой шишки.

- А этих ты и сам знаешь, - поворачивался ко мне Сережа, когда мы замечали на ветвях уже голой березы легкую стайку красногрудых, чернокрылых снегирей.

Русский осенний лес был полон своеобразием и потаенной жизни, и изучение этой жизни, этой неисчерпаемой "Книги природы" захватывало нас целиком. Охота, с ее поэзией и увлекательностью, была лучшим способом такого изучения.

Мы никогда не гонялись за обилием добычи, никогда не огорчались, если возвращались с пустыми сумками: трофеи вполне заменялись красотой и разнообразием охотничьего дня...

На сечах мы любовались иногда звучным полетом тетеревов, а где-нибудь около полей - стремительным бегом зайца. Заяц заводной игрушкой катился по жнивью, будто вовсе не работая лапами...

Мы глубоко и остро волновались своей кровной причастностью к миру охоты и природы, своей любовью к родной земле, расстилавшейся вокруг нас в тихой осенней дремоте.

Широкая столбовая дорога, далеко уходящая в поле, вызывала чувство беспредельного простора. Шум парохода на Волге тревожил мечтой о дальних плаваниях и скитаниях.

- Вот поступить бы в речное училище, выучиться, стать капитаном и плавать по Волге или Оке... - мечтал иногда Сережа, с улыбкой вслушиваясь в дальний свист парохода. - А еще бы лучше, - продолжал он, - поступить в университет, сделаться ученым, написать книгу о природе, вроде "Робинзонов в русском лесу"... Не знаю, что выйдет на самом деле, а хоть самоучкой, да буду учиться всю жизнь.

Глаза Сережи ярко блестели, лицо казалось мужественным, во всех движениях молодого охотника проступали уверенность, настойчивость и сила.

В праздничные дни наши охоты украшались привалом и костром.

Привал устраивался где-нибудь на опушке, над оврагом; мы развешивали по сучьям ружья, сумки и дичь, весело собирали ломкий хворост, поджигая его потрескивающей берестой. Сережа насекал маленьким топориком кучу елового лапника, расстилал его на земле, деля на две части, - лапник ложился высокими, пышными подушками; я спускался в овраг, наполнял чайник водой из ручья, с наслаждением чувствуя ее чистоту, прозрачность и холод. С двух сторон костра в землю туго ввинчивались двурогие осиновые сучья, на них опускалась толстая и сырая плаха, посередине которой висел чайник. Костер шумел и гудел, дым выбивался со свистом, завиваясь и округляясь, словно связка воздушных шаров. Мы доставали из сумок хлеб, яйца, яблоки, сахар и леденцы, раскладывали все это на бумажном листе, то и дело вспыхивавшем от постреливавших угольков. С особенным удовольствием доставал я кусок жареного зайца, нарезанного ровными тонкими ломтиками. Закусывали по-охотничьи, неторопливо и со вкусом, с жадностью глотали огненный чай, пахнувший вялыми листьями и брусникой.

Красота охотничьего костра, привала с тех пор навсегда вошла в мою жизнь как одна из поэтических радостей охоты...

После привала мы опять бродили по лесам, а перед сумерками возвращались домой - шли полями, деревенскими гумнами, где хорошо пахло дымком овинов, ржаным зерном, сухой соломой.

Охота учила нас и меткости выстрела, и неутомимости в ходьбе, и ползанию "по-пластунски", и самой изощренной наблюдательности...

В город входили на заре. Усталые и счастливые, мы все же бодро взбирались по крутому горному скату, уже покрытому холодным сумраком. Но когда поднимались на гору, перед нами широко открывалась пунцовая и багряная Волга. Над Волгой стаями кружились, кричали вороны и галки, а по Волге плыл пассажирский пароход, печально мерцавший зелеными вахтенными огнями. Мы с Сережей тепло прощались до следующего дня...

* * *

В условиях старой России Сережа, несмотря на его способности и упорство характера, не пошел бы дальше счетовода на захолустной фабрике или, в лучшем случае, сельского учителя.

Советская страна открыла талантам из народа все пути-дороги, и нет ничего необыкновенного в том, что Сережа, которому в пору Октября было двадцать лет, сумел получить не только среднее, но и высшее образование. Сережа, как он и мечтал когда-то, попал в университет, стал ученым-биологом, неутомимым тружеником науки. Теперь Сергей Петрович Киселев - профессор, автор нескольких живых и увлекательных книг о зверях и птицах. Профессор всегда подчеркивает, что успехом этих книг он обязан нашей "робинзонаде" в родных приволжских лесах.

Сергею Петровичу скоро стукнет шестьдесят. Голова его покрылась серебром-седой, скуластое бритое лицо пересекли глубокие морщины. Но глаза профессора по-прежнему светятся молодостью, а в движениях проступает юношеская охотничья легкость.

Все свое свободное время профессор и сейчас отдает охоте.

Иногда осенью я с удовольствием слушаю по телефону его звучный и взволнованный голос:

- Появились высыпки вальдшнепов... Давай-ка махнем завтра с первым поездом, вспомним матушку старину!

И на другой день мы чуть свет уже бродим по березовым и осиновым чащам, любуемся золотой и розовой листвой, зорко следим за легавой собакой, быстро и весело снующей по росистым кустам, по влажным, расцвеченным папоротникам...

Мы снова чувствуем себя прежними робинзонами в счастливой Стране Охоты - по-отрочески волнуемся от каждого удачного выстрела, долго и радостно отдыхаем на привале у костра, никак не можем налюбоваться осенней лесной красотой.

И когда в сумерки выходим к железнодорожной станции, у нас обоих такое ощущение, будто к нам возвратилась молодость: охотничий день отзывается в нас не усталостью и утомлением, а

бодростью, свежестью и силой. В наших сумках лежат рядом с вальдшнепами букеты кленовых и дубовых листьев и сухих крупных папоротников. Записная книжка моего спутника с каждой охотой обогащается каким-нибудь новым наблюдением.

А по приезде домой я весь вечер провожу над старыми охотничьими журналами, над памятным альбомом с рисунками Левитана, опять и опять вспоминаю свои детские и юношеские дни.

От этих дней на всю жизнь остался в памяти запах апрельской свежести и первых ландышей, цветущей липы и вялого осеннего леса.

В лесах есть потаенные и прозрачные родники, из которых пьют звери, птицы и охотники. Вода в них даже в летний жар свежа и прохладна, будто на дне лежит ледяной кристалл. И все то пахучее и молодое, что соединено в памяти с охотой, насквозь пронизано такой же свежестью, душевной и физической бодростью. Так охота становится источником здоровья, родником сказочной живой воды, возвращающей детскую радость чувств.

ОХОТА НА ЗАЙЦА

Несколько биологических замечаний. Зайцы, населяющие просторы нашей Родины чуть ли не от края до края, делятся на четыре основных вида: беляк, русак, толай и маньчжурский заяц. Кроме того, встречается еще гибрид - так называемый тумак (помесь русака с беляком). Иногда он больше похож на русака, иногда на беляка; обычно у него преобладают все же признаки беляка. Обитает тумак по преимуществу в лесу.

Маньчжурский заяц, населяющий приморские леса Дальнего Востока, несколько напоминает кролика.

Толай, заяц среднеазиатских, казахстанских и забайкальских степей, походит на русака, но примерно в два с половиной раза меньше его; зато уши толая значительно длиннее русачьих.

Русак и беляк, наиболее распространенные виды зайцев, хорошо знакомы каждому охотнику.

Беляк распространен по всей северной лесной части СССР, включая и ее горные области. Встречается он и в "карликовых" зарослях тундры, и в башкирских и казахских степях, где когда-то росли, по-видимому, леса.

Русак держится по полям и степям всей Европейской части СССР, проникая частично и в Азию. В Сибирь, куда русак не мог проникнуть через массивы уральских лесов, он, начиная с 1936 г., завозится из других мест.

Беляк и русак довольно резко различаются между собой и по месту обитания, и по образу жизни, и по ряду биологических особенностей.

Беляк - лесной житель, он водится в самых разнообразных лесах, предпочитая, однако, такие, где есть сечи, зарастающие летом густой и высокой травой, болота с осокой, ельники и, главное, молодые осинники, корой которых он особенно охотно питается осенью и зимой.

Русак живет в открытых местах (поле, степи, заливные луга) и, совершенно избегая глухого леса, заходит лишь в полевые перелески и фруктовые сады, принося им иногда значительный вред [Обгладывает кору яблонь и других плодовых деревьев.].

Беляк к зиме целиком оправдывает свое название - Становится совсем под цвет снега, только на кончиках ушей сохраняется невыцветающая черная оторочка.

Русак и зимой остается серебристо-серым, чуть желтоватым на груди и брюхе; вдоль его спины прокинут красивый "кушак", в смуглом, янтарном и розоватом накрапе. С. Т. Аксаков сравнивал заячий "кушак" с крымской мерлушкой. Тот же Аксаков называл этот "кушак" русым, производя отсюда название "русак".

Беляк несколько меньше и легче русака. Вес русака составляет 5 - 6 кг, беляка - 3 - 4 кг.

Различно и питание этих зайцев.

Беляк питается летом травой, осокой, древесными листьями, веточками черники и иногда грибами - оленьими трюфелями; зимой он довольствуется древесной корой.

Русак летом ест полевые травы и хлебные злаки, зимой - озимые всходы (откапывая их в

снегу), остатки овощей на огородах, сено на гумнах и т. п.

Форма лап беляка и русака также заметно отличается одна от другой.

Лапа беляка более широка в пальцах, и след ее на снегу напоминает маленькую чашу; при широкой лапе беляк меньше вязнет и легче движется по самому глубокому и рыхлому снегу.

Лапы русака, особенно передние, "поменьше и поуютнее" (С. Т. Аксаков); задние русачьи лапы похожи, по выражению Н. А. Зворыкина, на пружинистые рычаги. След русака мельче и изящнее по своим очертаниям.

Рис. 1. Хвост, следы и помет зайцев беляка (слева) и русака

Одним из существеннейших отличий беляка и русака служит и хвост (цветок). Русачий хвост - уже и длиннее; он имеет сверху резко-черную полосу, одинаковую и летом и зимой. У беляка этой полосы нет.

Зайцы (всех пород) чрезвычайно плодовиты; срок беременности зайчихи 50 - 51 день [Это относится к зайчихе беляка. По наблюдениям П. А. Мантейфеля в Московском зоопарке, продолжительность беременности зайчихи-русака составляет 44 - 46 дней.]; зайчихи приносят зайчат дважды или даже трижды за лето (от трех до шести зайчат каждый раз).

Зайчат первого (мартовского) помета охотники называют "настовиками", второго помета - "колосовиками", последнего помета - "листопадниками".

Количество новорожденных зайчат в выводке у русака составляет в среднем за год 2 - 5, а у беляка от 2 до 6.

Зайцы со всех сторон окружены врагами, за ними непрерывно охотятся волк и рысь, лисица и ястреб (тетеревиатник), филин и сова.

Однако общераспространенное мнение о крайней трусости зайца преувеличенно и неточно, оно не подтверждается никакими строго проверенными научными данными. Ведь почти любой зверь, поднятый собаками, уходит наутек; рысь, например, панически спасается бегством от смычка гончих.

Охотники не раз наблюдали случаи, когда зайчиха ожесточенно защищает зайчат. Заяц, попавший даже в безвыходное положение, отмечает в своей книге проф. А. И. Калниныш [Охота и охотничье хозяйство в Латвийской ССР. Рига. 1950], "часто не обнаруживает ни малейшей растерянности - этого первого признака страха".

Заяц, будучи голодным, неторопливо обгрызает плодовые деревья даже поблизости от привязанной собаки. Спасаясь от собак, он иногда забирается на поваленное бурей дерево, переплывает через речку, бросается во время ледохода или ледостава на плывущую льдину, уходит, чтобы запутать гончих, то на пастбища, то (зимой) на укатанные разъезженные дороги.

Заяц любит логово, освещенное солнцем и надежно защищенное от ветра, за кочкой или кустом (преимущественно с южной стороны).

Зимой зайцы живут нередко в постоянных глубоко вырытых норах.

Зайцы не любят менять место лежки - они обычно стремятся отыскать старое логово.

Русак, обитающий в открытых угодьях, более, чем беляк, ограничен в выборе мест для лежки, и лучшие из них - там, где зайцев много, - бывают заняты постоянно.

Охота с гончими. Поздней осенью в русских лесах заунывно и музыкально трубят охотничьи рога, звенит жаркий и страстный гон...

Охота с гончими - одна из самых массовых и любимых русских охот нелегка, но увлекательна и красива. Добычливость ее зависит от самых различных причин: от количества зверя и качества гончих, от погоды и опыта охотника. Успех на этой охоте решает, в конце концов, все же собака. Гончая, без пользы тывкающая и копающаяся на жировке, часто "скальывающаяся" и бросающая, зайца на первом или втором круге, только раздражает охотника и лишает охоту ее обаяния и смысла. Конечно, можно и из-под такой собаки взять зайца, но это никогда не дает того удовлетворения, которое получаешь от зайца, добытого в результате длительного и азартного гона.

От собаки необходимо требовать прежде всего мастерства и вязкости, т. е. настойчивости в распуывании однажды взятого следа, и оаратости скорости в преследовании зверя, определяемой и чутьем, и мастерством.

Охота с гончими разрешается в среднерусской полосе примерно с половины октября - начала ноября. В это время листопад заканчивается, наступают сырые и прохладные дни - собака полностью владеет чутьем и гораздо дальше не выбивается из сил.

Кстати о чутье. Бывают случаи, что охотники "вытаптыывают" зайца в том самом месте, где только что прошла собака. В чем же тут дело? В отсутствии чутья у гончей?

П. А. Мантейфель пишет по этому поводу:

"Дело тут не в чутье, а в зайце, у которого шкурка почти не пахнет, так как в ней нет

потовых желез... След чует собака потому, что именно на подошвах зайца много потовых и сальных железок, оставляющих сильный запах на следу. Сидящего зайца с прижатыми к земле лапками никто не чует, а бегущего чует хищник даже на полном скаку. След зайца, только что вскочившего с лежки, собака чует много хуже, чем того, который перед тем долго бежал. Усталый заяц оставляет более потные отпечатки лапок, чем лежавший на лежке без движения..."

Сыроватая, не насыщенная дождями земля и возможно полная тишина в воздухе - самые благоприятные условия для охоты с гончими. Мороз, выстудивший землю до крепости камня, притупляет ощутимость звериного следа. Сильный ветер приглушает гон даже на близком расстоянии: невозможно следить за его направлением, невозможно выбрать верный лаз. Сильный дождь заливаает заячьи следы, гололедица подбивает лапы гончих. И только тихая, мягкая, влажная погода помогает перечувствовать всю красоту охоты с гончими: гон слышен далеко, во всех своих перекурах, ход зайца определяется с достаточной точностью.

На охоте с гончими приходится совершать длительные переходы и перебежки, накликают и подбадривают собак голосом ("порсканием") или рогом и, пока они не взбудят зайца, постоянно помогают им, "вытаптывая" наиболее глухие места. Но пользоваться рогом надо осторожно, во всяком случае не трубить почти без перерыва, иначе гончие, привыкая к звукам рога, перестают идти на вызов. Когда охотник сам поднимает зайца, он сейчас же накликает гончих (если, конечно, они в это время не заняты гоним, так как отзывать собак с гона не следует ни в каком случае).

Главная задача на охоте с гончими - возможно быстрее и любым способом взбудить зайца. Остальное, при наличии хорошей собаки, зависит от охотника. Как только заяц поднят, всякий крик и шум прекращаются. Перебегать иногда необходимо, от этого нередко зависит возможность выстрела, но при беге не надо шуметь и стучать, чтобы не "оттопать" зайца.

Вообще же излишняя непоседливость на охоте с гончими вредна.

Заяц имеет определенные повадки. Он почти всегда возвращается, например, к своей лежке и, делая круги, неоднократно проходит одними и теми же местами. Каждый охотник, зная об этом, старается дождаться возвращения зайца к лежке и все-таки очень редко выстоит до конца: перемолчка собаки или опасение, что кто-либо из товарищей перехватит зайца, заставляет охотника срывать с верного и надежного места.

Заяц далеко не всегда идет более или менее правильными кругами. Во время листопада он избегает березового леса (его тревожит шум листьев), в овражистых лесах придерживается края оврагов.

Погода тоже оказывает большое влияние на размер круга. Когда земля подморожена утренником, беляк делает самый большой и широкий круг. При ветре круг бывает меньше, нежели в тихий день, и притом не столь правильный (это объясняется, по-видимому, тем, что голоса гончих, развеваемые ветром, звучат слабее). Быстрота гона тоже влияет на круги зайца. Под паратыми гончими заяц идет широкими и правильными кругами, под пешими - дает менее правильные и более короткие круги.

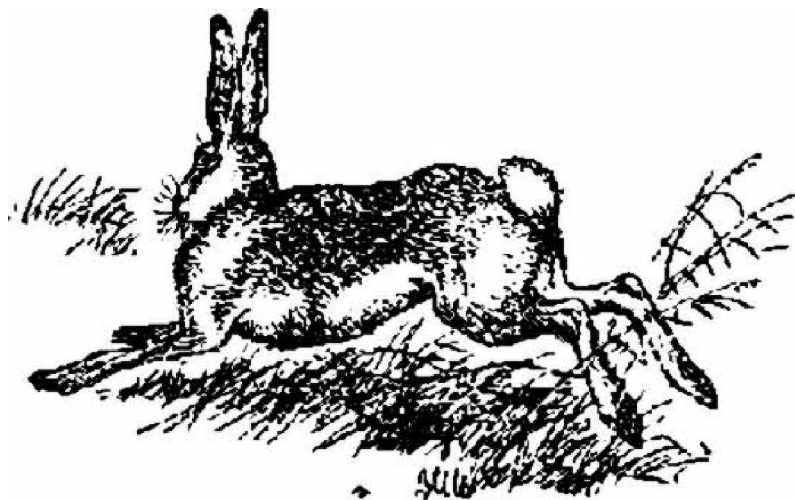

Рис. 2. Заяц-русак

На кругах беляк нередко, петляет, а потом затаивается, сбивая этим собаку. Собака, разбираясь в заячьих следах, далеко не сразу определяет то место, где укрылся заяц: запах доносится то с одной, то с другой стороны. Заяц же, услышав приближающуюся гончую, неторопливо поднимается, делает несколько бесшумных прыжков и, выбираясь на прежний след, со всей резвостью продолжает бег. Скоро он опять сбивается с круга и, петляя, ищет наиболее потайное место.

Для успешности охоты необходимо знать привычки и повадки зайца применительно к времени года и природным условиям.

Поздней осенью беляки, живущие в лесах среди полей, кормятся обычно на озими. Если полей поблизости нет, беляк "путешествует" на кормежку на обкошенные полянки, в молодой осинник. Залегают беляк чаще всего в местах с густой травой, в плотном сосняке, в буреломе, под вершиной давно срубленного дерева. В сухую осень заяц держится поблизости от ручьев, рек и озер, в сырую - на возвышенных, сухих местах.

Выбор лаза определяется, главным образом, обстановкой. Выгоднее всего становиться на дорогах, на просеках, в редколесье, на кромках сеч, на небольших полянах среди густого леса, около болот, где любит скрываться заяц.

Основные правила при выборе лаза замечательно сформулированы Л. П. Сабанеевым в его "Охотничьем календаре".

Вот некоторые из этих правил, и до сих пор сохраняющие свою точность и всеобъемлющую полноту:

1. Став на лазу, необходимо расположиться как можно удобнее: осмотреться - не мешает ли какая ветка и, если мешает, то обрезать ее; попробовать - можно ли удобно прицелиться по всем направлениям, откуда ждешь зверя: по чернотропу откинуть сухие ветки, чтобы не треснула под ногой, а по пороше утоптать снег, чтобы не скрипел. Занимая лаз, необходимо оглядеться, осмотреть, где заняли места товарищи, и легким посвистом дать знать ближайшим, где сам занял место; затем сообразить расстояние от занятого места до прогалин и просветов между деревьями, где может показаться зверь, изучить, так сказать, местность в пределах выстрела. Зверь может появиться без гона (шумовым), причем он идет особенно осторожно; поэтому на лазу необходимо каждый момент быть готовым к выстрелу - внимательно смотреть, ружье держать в руках со взведенным курком, а не ставить около себя.

2. Необходимо соблюдать на лазу полнейшую тишину. Стоя на лазу, нельзя ни кашлять, ни чихать, ни сморкаться; если уже необходимо сделать то или другое, то кашлянуть или чихнуть можно, только плотно закрыв лицо шапкой.

3. Надо всегда стоять на лазу по возможности скрытно, но - главное совершенно неподвижно; становятся так, чтобы было видно то место, откуда может показаться зверь, т. е. лицо должно быть совершенно открыто; но необходимо позаботиться о том, чтобы голова и верхняя часть тела сливались с темным фоном, а не вырисовывались перед зверем. Лучшее место - под деревом, лицо - в сторону, откуда ждут зверя; нужно плотно прижаться спиной к дереву, слиться с ним. В таком положении охотнику ничто не закрывает поля зрения, и он долго может сохранять совершенно неподвижное положение; если же охотник одет в платье, подходящее к коре древесины, то он очень мало замечен. Становиться за деревом, как это делает большинство, отнюдь не следует, так как никогда за ним неподвижно не устоять: охотник непременно будет из-за него выглядывать, и зверь, следовательно, его скорее заметит. В кустарнике, где нет широких деревьев, надо выбирать такое место, чтобы перед охотником был низкий куст, а за ним - высокий; если такого куста нет, то обрезать (но не обламывать) ветки так, чтобы куст закрывал охотника только по грудь и ничто не мешало ему смотреть вперед. Охотясь в камышах, надо становиться около края камышей и обрезать их перед собою. Здесь лучше иметь не темное, а желтое платье. На платье (и на оружии) не должно быть ничего блестящего или бросающегося в глаза".

Заяц не боится воды. Перехватывая как-то беляка из-под собаки, я вышел к довольно широкому болоту в лесной долине, с осокорем и бочагами. Собака вела именно сюда, в болото.

Скоро показался заяц. Он пошел не краем болота, а серединой, осокорем. Достигнув большого бочага, заяц, не прекращая бега, ловко прыгнул в воду, быстро поплыл, а потом, отряхнувшись, зачастил "потным" местом. Оттуда после выстрела я и вытащил его за уши.

В другой раз беляк, слегка задетый дробью, бросился в Волгу, Несколько отплыв от берега, он стал держаться в воде, доказывая голову и полоску спины. Дело было глубокой осенью, и зайца пришлось бы оставить, но помог прижать его к берегу проплывающий мимо рыболов. Судя по некоторым данным, заяц способен переплывать даже широкие реки.

В некоторых случаях заяц очень ловко выбирает свои переходы. Однажды беляк, поднятый собакой поблизости от лесной реки, быстро оказался на другом берегу. Пришлось идти за несколько километров, где был мост. Но, пока я дошел до моста, заяц снова перемахнул на этот берег. Сделав круг, он опять ушел за реку. Река тут была довольно широка, а берега круты. Я стал искать заячий переход и, наконец, нашел его: это была шаткая бревенчатая переправа в неожиданно узком месте реки. Она была устроена, по-видимому, косцами или грибниками. Берег был тут более или менее пологий. Гон терялся в лесу, но я ждал уверенно: отличная собака не могла ни "сколоться", ни бросить зайца. И я дождался: заяц, уже совершенно белый, будто слеplенный из снега, бойко покотил берегом, вынесся на мостик и, сбитый выстрелом, шлепнулся в реку. Я обсушил его у костра...

Охота с гончими очень часто имеет групповой характер. Эта охота, протекающая целиком на ходу, в перебежках, требует от каждого ее участника особенной осторожности и тщательного соблюдения правил стрельбы. Исключается стрельба по "шуму" или "шороху" - стрелять по зайцу надо только тогда, когда он явственно виден охотнику. Не рекомендуется бить набегающего зайца навстречу (на "штык") - можно засечь дробью собаку, особенно, если она паратая. Подходя к товарищу, убившему зайца, обязательно нужно спустить курки или передвинуть предохранитель. Когда охотники идут вместе, ружья следует держать стволами вверх. Надо также рассчитывать и беречь силы - не слишком много бегать с утра, чаще останавливаться, ослушивая собак, присаживаться во время перерывов гона и т. п.

Для стрельбы зайцев употребляется чаще всего дробь № 3 (осенью) или 1 (зимой). В поле не следует стрелять дальше 60 шагов, а в лесу дальше 50 иначе бывает много уходящих подранков.

Шкурки с зайцев снимают "трубкой" (с огузка), взрезая прежде всего кожу острым ножом по линиям, проходящим от пальцев каждой из задних лап (по их задней стороне) в направлении хвоста.

При этом способе шкурка с зайца, подвешенного за задние лапы, проколотые у их основания, снимается довольно легко и свободно. Чуть подрезываемая ножом, она сползает наподобие чулка, и только тогда, когда дело доходит до передних лап и головы, требуется большая, осторожность и тщательность, чтобы не порезать шкурку.

...При наличии хорошей собаки и "заказной" погоды охота с гончими одна из самых волнующих, самых поэтических охот.

Никогда не забыть мне выжловку Будишку - дикую лесную красавицу из породы "арлекинов"...

Я охотился с ней пять-шесть лет подряд - все годы своей мятежной юности - и никогда потом не видал и не слышал такой удивительной собаки.

Легкая, вязкая и паратая, она обладала необыкновенным чутьем, редкостной неутомимостью и страстностью. Единственным, да и то относительным, недостатком ее была дикость, нелюдимость и злобность. Если кто-либо из знакомых охотников убивал зайца из-под ее гона, он не мог взять его. Злобная собака "задерживала" охотника.

Вязкость ее была, изумительна: она, не преувеличивая, могла гонять от зари до зари. Мне иногда приходилось охотиться с ней через два-три дня, и никогда не замечалось в ней усталости и утомления.

Я уходил на охоту очень рано, при вторых петухах, и в лесу встречал ослепительный осенний рассвет [Выходить с гончими на охоту следует вообще как можно раньше: заяц кормится преимущественно ночью, и рано утром свежие следы его особенно пахучи.].

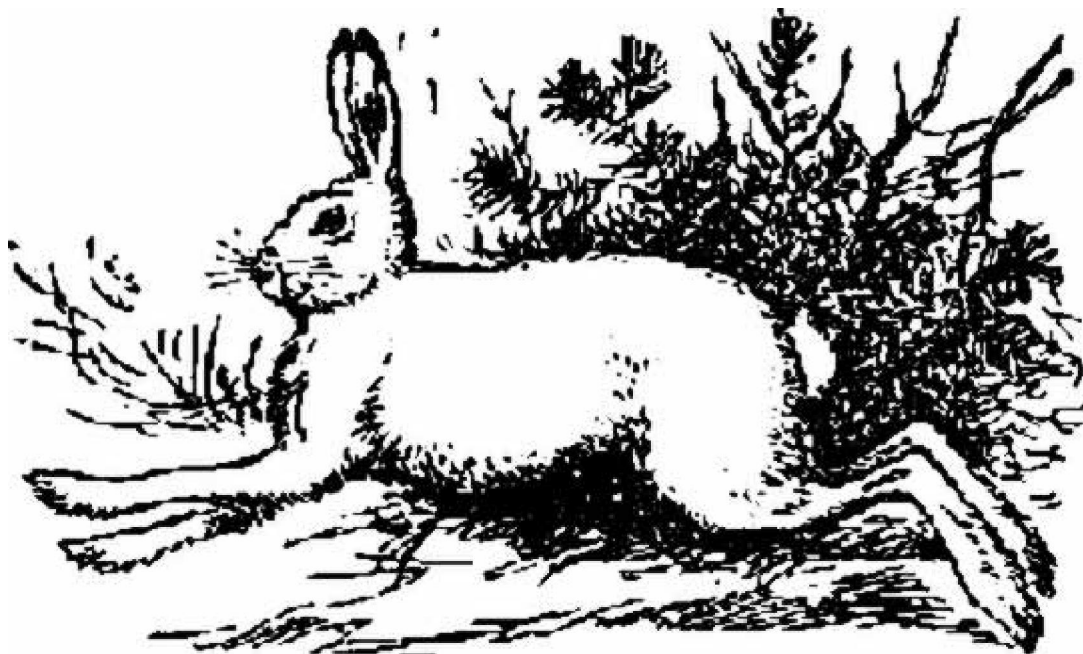

Рис. 3. Заяц-беляк

Будишка на поиске никогда не показывалась на глаза, хотя держалась и не слишком далеко. Поиск у нее был широкий, быстрый и, самое главное, внимательный и настойчивый. Попав на заячью жировку, она распутывала ее терпеливо и молчаливо и, только взбудив зайца, подавала голос.

Неутомимо продирался я сквозь плетеную сеть огненных осинников, усердно, из конца в конец, перетаптывал еловые заросли, с удовольствием шагал по лесным "потным" болотам, по упругим мхам, подобным плюшевой настилке. На сечах перелезал чуть ли не через каждую-кучу хвороста, в бору интересовался каждым поваленным деревом, каждой зарослью увядших папоротников: повсюду была возможность "вытурить" зайца.

Бывало, что я действительно "вытуривал" беляка, обычно в непролазной чаще, где выстрел посылался почти наудачу, и тогда Будишка, быстро являвшаяся на мой зов, заливалась отчаянным плачем. Но, конечно, зайца обычно поднимала собака, и в лесу возникал, нарастал и усиливался уверенный ее гон, бросавший меня и в жар и в холод. Я знал в этих лесах все дороги и тропы, все просеки и перелазы, и это очень помогало определять направление заячьих кругов. Но я страдал излишней горячностью, часто перебегал с места на место, нередко с верного на "приблизительное", злоупотреблял ненужной беготней и шумливостью во время гона. В результате получались такие непростительные промахи, что, вспоминая о них, я вновь и вновь переживаю свои тогдашние огорчения.

Видится теплый и мягкий осенний день, близкий гремющий гон Будишки. Я стоял в редколесье, на пересечении нескольких тропинок. Молодой белячок стремительно вымахнул на одну из этих тропинок в десяти-пятнадцати шагах от меня. Он присел, дугой выгнул спину, стал пошевеливать ушами. От выстрела белячок вскинулся, сделал огромный прыжок и замахал мимо меня. Второй выстрел погнал его с еще большей быстротой. Я растерянно бросился вперед. Подоспевшая собака чуть не сбила меня с ног.

А еще хорошо помню синий и тихий, но очень холодный день в исходе октября. Заяц, поднятый утром на озими, увел собаку в глухой приволжский Алабужский лес. Я остановился на широкой дороге, делившей лес на две ровные, могучие, раззолоченные стены.

В этих широких дорогах, пролегающих сквозь глухие леса, есть совершенно особенное очарование. Летом дороги зарастают по краям травами и цветами, зимой тонут в высоких и чистых снегах. Теперь, поздней осенью, дорога казалась заброшенной и одинокой, хотя на ней и виднелись недавние следы колес. Подсохшая грязь чуть лиловела, дождевая вода в колеях светилась от палых листьев. Было видно очень далеко и вправо и влево: дорога тянулась ровно, без изгибов. В необычайной тишине все время раздавался гон Будишки. Постепенно он стал

различаться все отчетливее, собака гнала уверенно, без единой "перемолчки". Я перебежал вперед, приготовился к выстрелу.

В лесу, еще далеко, мелькнул крупный выбелившийся заяц. Он тут же скрылся в кустах, только его уши, как бы заштрихованные углем, то увеличивались, то уменьшались в сухой желтой траве. Заяц выскочил на дорогу сильным, гибким броском. Я выстрелил "в полуугол", и заяц, заколесив, во всю длину растянулся на дороге. Не сходя с места, я заложил новый патрон и пошел к зайцу - до него было около шестидесяти шагов. Вслед за выстрелом вымахнула собака, стала слизывать теплую заячью кровь. Я подвязал зайца на ремень, взял собаку на цепочку.

Невдалеке, в овраге, я нашел ручей, наполнил чайник прозрачной водой, привязал Будишку к дереву и затеплил костер. Он горел ровно, округляясь в форме чаши, дымил седым дымком, тихо уходящим вверх. Собака никла к огню, прикрывая нахлестанные глаза. На березке, между ружьем и рогом, покачивался матерый заяц. Осенний день сиял чистым- незабудковым небом, червонным золотом глухого старого леса...

Каждый вид охоты имеет свою неповторимую прелесть. Охота на беляков вплотную сближает охотника с жизнью леса, дает почувствовать гон во всей его страстности и силе. Охота на русаков радует широтой и простором полей, предоставляет возможности для наблюдения над повадками зайца во время гона. Охотник, в особенности если он вооружен биноклем, зачастую может подолгу следить за ходом русака по овражкам и пашням, по окрайкам перелесков и болот, по жнивьям, бороздам и межам. Возможный лаз зайца определяется на этой охоте скорее зрением, нежели слухом: охотник то и дело видит вдалеке зайца и собак, иногда почти не слыша звуков гона из-за расстояния или из-за ветра.

Русак, в особенности старый, опытный, делает очень большие круги, любит путать гончих на перетоптанных стадом местах, уходит на деревенские гумна, в сады и т. п. Для охоты за русаками нужны чутыстые, вязкие и паратые гончие, которые сравнительно быстро выматывают зайца, заставляя его переходить на малые круги.

Охота на русаков по чернотропу особенно хороша в дни поздней осени, когда земля влажна и крепка, но еще не тронута морозом, а поля, лежащие в голубоватой мгле, как бы очарованы тишиной. Весело в такие дни слушать где-нибудь на опушке перелеска то наплывающий, то отдаляющийся гон, весело заметить вдалеке на жнивьях темную подвижную точку - зайца, который, все вырастая и удлиняясь, стелется по черной, глянцевиной борозде на встречу выстрелу...

Но эта охота зачастую очень и очень утомительна: русак уводит собак далеко, гон и направление теряются, и приходится делать длительные переходы, во время которых случается перелезть через топкие болота и одолевать размокшие пашни.

По белой тропе охота за русаками с гончими легче: следы выдают каждое движение зайца, а белизна снега позволяет видеть его решительно повсюду, на любом открытом месте. Однако успех охоты и в данном случае зависит от гончих: русак, особенно в пору глубоких снегов, ходит преимущественно по дорогам, изъезженным дровнями и машинами, да еще имеет манеру скидываться саженым прыжком в сторону. Под хорошими, неутомимыми гончими заяц рано или поздно попадает под выстрел - дорог в поле не так-то уж много, - но с плохими гончими - лучше вовсе не охотиться по русаку, если, конечно, не надеяться на печально-старинное "авось".

Еще труднее зимние охоты с гончими на беляков. Собаки чуть ли не по уши вязнут в сугробах, быстро выматываются, а при насте в кровь сбивают лапы. Заяц идет очень далеко от собак, он почти не вязнет в снегу, что затрудняет выбор лаза. Ходьба на лыжах по глубоким снегам среди деревьев, кустов и пней сильно утомляет и охотника.

Но и глубокой зимой бывают превосходные дни для охоты - тихие, слегка морозные дни после оттепелей: снега оседают, уплотняются, покрываются сверху новой пушистой белизной, словно каким-то, шелковистым порошком. Ходить тогда легче - лыжи покачиваются, как на пружинах, заячий след становится ясным и "теплым", гон - быстрым и неутомимым...

В молодые годы трудность зимней охоты на беляков никогда не останавливала меня. Я неторопливо объезжал на широких охотничьих лыжах пригородные леса, преодолевал рыхлые снежные наносы в оврагах, поднимался с холма на холм, настойчиво кружился в глухих ельниках,

похожих на разворошенные кипы хлопка. В лесу, даже и в ясные дни, было сумеречно: деревья украшались таким роскошным снежным убором, что солнечный свет сверкал лишь на их вершинах. Собака зыбко ныряла в снег, терпеливо и неутомимо разбиралась в перепутанных заячьих следах. Заяц кружился больше по чащобам, по самым глухим дорожкам, залегал в непролазных кустах. Но гон не прерывался ни на минуту, звуча в дремучем зимнем лесу с особенной мелодичностью, наподобие серебряных поддужных бубенцов, и я, перебегая с места на место, все чаще натывался на свежие, то редкие, то частые, заячьи следы.

Рис. 4. Заяц-толай

Немногие, поистине праздничные, выстрелы запоминались навсегда. Заяц, сплошь белый, с черными кончиками ушей, вдруг будто вырастал из снега, прыжком перемахивал дорогу - и тут же снова валился в снег, взбивая сухую, перламутровую пыль. Выстрел раздавался на морозе резко, но слабо, без раската. Стволы ружья сразу остывали и скоро покрывались чуть заметным инеем, будто тончайшей гравировкой. Тяжесть зайца за плечами не томила, а радовала. И все вокруг казалось особенно милым: и молчаливо таинственный зимний лес, будивший детскую мечту о Снегурочке, и одинокое поле, дышавшее под солнцем ослепительным алмазным холодом, и старая столбовая дорога, по которой резво неслась, вся в брызгах снега, почтовая тройка... Хороша охота на беляков и глубокой зимой!

Охота в узёрку. На грани между осенью и зимой существует способ охоты на зайцев-беляков в узёрку [От слова узреть, увидеть].

"Необходимое условие для этой охоты, - писал С. Т. Аксаков, - долгая мокрая осень; в сухую и короткую зайцы не успевают выцвести; нередко выпадает снег и застает их в летней шкуре. В ненастное же время зайцы, чувствуя неприятную мокроту, беспрестанно трутся о деревья, кусты, стоги сена или просто валяются на земле... Зайцы выцветают не вдруг: сначала побелеет внешняя сторона задних ног, или гачи, и тогда говорят: заяц в штанах; потом побелеет брюхо, а за ним все прочие части, и только пятном на лбу и полосой по спине держится красноватая серая шерсть; наконец, заяц весь побелеет, как лунь, как колпик [Колпик - белый аист с красивыми ногами и носом], как первый снег..."

Охота в узёрку производится именно на такого высветлевшего зайца. Она бывает удачной только в теплые и мягкие дни, когда заяц лежит особенно крепко, а сыроватая земля обеспечивает

легкий и бесшумный подход. В морозные дни, по выстуженной и гулкой земле, охота в узёрку малодобычлива: заяц более чуток и редко подпускает на выстрел.

Охотиться в узёрку надо умело и с толком, выбирая наиболее типичные заячьи места - небольшие прогалины, вырубки, кочковатые, заросшие осокорем, болота, низкорослые еловые и можжевельниковые заросли, небольшие кучи хвороста, обмокшие оранжевые папоротники.

Идти нужно тихо, легкой походкой следопыта, внимательно, со всей возможной зоркостью оглядывая "нижний этаж" леса.

И вот под распластанной вековой сосной охотничий глаз различает что-то вроде ватного клочка: беляк с безупречным маскировочным искусством укрылся под деревом, среди палых листьев, вялого мха и душистой можжевельники.

Выстрел, глухой и короткий, ссекает и решетит древесную кору, дробит и разбрасывает мокрые ветви. Заяц, вытянутый из-под дерева за пружинистые задние лапы, очень пушист и тяжел. Весь белый, хорошо пахнущий сосновой смолой и горьким березовым листом, он дает бодрое и веселое ощущение близкой охотничьей зимы, туманной и тихой пороши...

Пороша. По русачьим маликам. Старинное охотничье слово "пороша" вызывает ощущение пушистой легкости и пахучей свежести. Оно звучит, как зов рога: поэтическая прелесть первого снега проходит через всю жизнь охотника. Первый снег всегда возвращает бессмертную радость детства.

...За городом, в поле, было, помню, широкое и просторное озеро, летом оглашаемое печальным свистом куликов (веретенников). Мороз превращал его в крепкое звучное зеркало. Потом, в мутный, облачный день, это "зеркало" меркло, превращалось в свинцовое. На лед опускались первые пушинки, первые и очень хрупкие, серебряные звезды: начинал падать снег. Снег сыпался легко, - густо и пышно, вызывая в воображении чистоту лебедей или озерных лилий. В поле стоял легкий однозвучный шум. Снизу, от земли, поднимался тонкий свет: она уже сплошь покрывалась белизной. Снег был сухой, плотный, морозный, туго поскрипывавший под ногами.

Быстро темнело, и огни в окнах сияли тепло, уютно.

Вечером я то и дело выходил во двор - слушать падающий снег, ощущать на лице и руках его несравненную свежесть. От озаренных окон снег казался странно розовым, словно рой бабочек. В воздухе стоял нежный запах, сходный с запахом спелой разрезанной груши. И все время думалось о теплых пушистых зайцах, дремавших в молодом пахучем снегу...

Утром снег падал редкими и крупными хлопьями, напоминающими листья папоротника. По облакам лилась слабая, холодная синева. Деревья в саду снизу доверху были облеплены как бы золоченой ватой, и на этой лучистой белизне особенно ярко краснели снегири.

Гончий выжлец Громило гремел цепью, раскатисто взлаивал, жадно внюхивался в запахи зимы. Мех его, густой и багряный, как бы маслянился, глянцевел, из пасти вылетали клубы пара, ноздри вздрагивали и раздувались. Он просился на охоту...

По пороше охотятся и с гончими, и самостоятельно - по русачьим следам (так называемое "тропление").

Тропление русака - целое искусство, которым охотник овладевает в процессе непрерывного опыта. Но и самое изощренное искусство следопыта увенчивается успехом только тогда, когда имеются благоприятные условия для охоты. Основные условия, содействующие успеху при троплении русака, хорошая погода и хорошая пороша.

Если снег, густо и ровно покрывающий землю, прекращается вечером, заяц, проголодавшийся за день, ночью выходит на кормежку, оставляя на свежем и чистом снегу длинный печатный след. Когда же снег перестает только перед рассветом, заяц или не встает совсем, или дает короткий малик. Ясно, что длинный малик (русак исходит за ночь немалое пространство) выгоднее для охоты.

В теплую мягкую или оттепельную погоду заяц лежит очень крепко, и подойти к нему на выстрел, естественно, легче. При морозе заяц обычно не подпускает охотника.

Бывают, впрочем, и исключения: заяц в иные теплые дни вскакивает с лежки вне выстрела, а в мороз лежит, как скованный. Поскольку все звери очень остро чувствуют любую Перемену

погоды, первый случай может быть объяснен тем, что в ночь ударит крепкий мороз, а второй - близким переходом мороза в оттепель.

Заяц для лежки постоянно выбирает то или иное укрытие: овражек, снеговой намет ("удув", по выражению Аксакова), ямки, кусты, бурьян и т. д.

При ветре заяц ложится обязательно где-нибудь в затишье, головой к ветру (ветер, дующий по шерсти, не так холодит зверька). Поскольку же заяц лежит головой к ветру, подходить к нему следует сзади, против ветра: такой подход менее слышен зверю.

Разбираться в заячьих следах, иногда сплошь испестривших поле, нелегко. Например, если в течение нескольких тихих дней не бывает снегопада, количество следов непрерывно увеличивается, и здесь нужны умение и зоркость, чтобы отличить свежий след от застарелого.

Почти совсем нельзя охотиться в поле при поземке: она сдувает и засыпает любые следы.

Если на следах различаются хотя бы мельчайшие звездочки - снежинки, это указывает на то, что он уже потерял свою свежесть. Даже иней, с такой пышностью украшающий деревья и кусты, оседает на следу чуть заметными кристаллами, которые отмечаются внимательным следопытом как знак усталости следа.

Н. А. Зворыкин, первоклассный следопыт и художник, так определял наличие инея на следах: "Садясь решительно на все предметы, иней особенно заметен на предметах выступающих. В этом случае он увеличивает их размеры. Садится иней не только плоскою стороною своих пластинок и звездочек, но и ребром. Поэтому предметы, покрытые инеем, имеют шершавый, щетинистый вид.

Это свойство инея помогает различать старые следы, которые можно было бы принять за свежие, если бы они не замшились инеем. Благодаря окружению колючим валиком инея, такие следы кажутся уже издали мохнатыми.

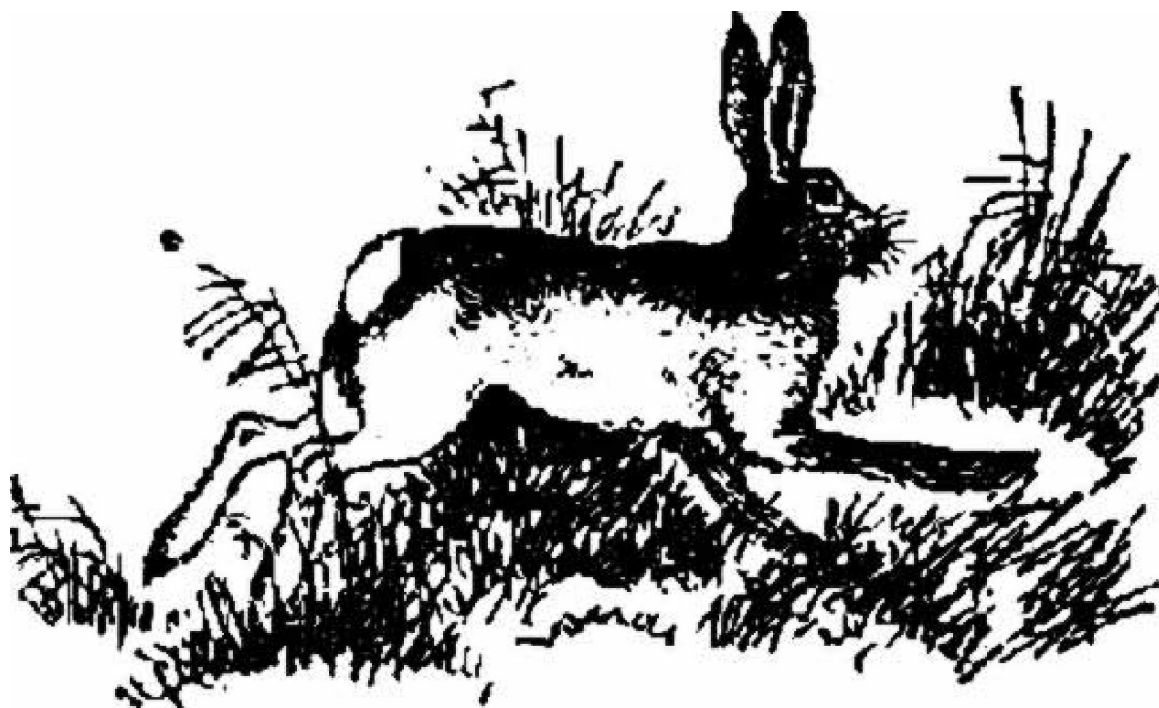

Рис. 5. Помесь русака с беляком - заяц-тумак

Дни, когда осаживается иней, бывают чаще мглистые, с лиловатым тяжелым освещением, очень затрудняющим рассматривание следов" [Н. А. Зворыкин. Как определить свежесть следа.].

Лучше всего тропить русаков во время "мертвой пороши", отличающейся глубиной снега и "короткостью" ["Длинною" или "короткою" пороша называется по количеству времени, какое остается после выпадения снега до света, т. е. до обычного времени дневки зверя (Н. А. Зворыкин)]. Эта пороша, засыпающая все следы, делает снеговые просторы чистыми, безжизненными ("мертвыми"), и лишь совершенно свежие следы, ведущие обычно на лежку зверя, оживляют ее. Тропление зайца по свежим следам "мертвой пороши" почти всегда венчается

успехом. Заяц идет только прыжками, вынося вперед (за передние) свои задние лапы, которые у него длиннее передних.

Лапы его отпечатываются на снегу довольно своеобразно:

"Четыре ямки, четыре голубоватые тени на чистой,, розовеющей от зари вершине сугроба. Две маленькие сзади, две побольше впереди" [А. Н. Формозов. Спутник следопыта, М., 1952].

Охотники делят заячий след на "жировой", "ходовой" и "гонный".

Жировой - это след, оставляемый на месте кормежки (жировки). Сплошной, густой, сложный узор жировых следов почти не поддается распутыванию, и охотник, не занимаясь этими следами, старается найти ходовой след, т. е. начать непосредственно тропление.

Тропление русака чрезвычайно интересно, увлекательно и красиво.

Тропить надо рано утром, по свежим, ясным и четким следам.

Вот на опушке, на выходе в поле, находишь, наконец, русачий малик, как бы сохраняющий пахучее тепло заячьих лап. Заяц шел, очевидно, совершенно спокойно, легкими и мерными прыжками. С опушки он пошел в долину, прыжком пересек незамерзший ручей и с той же ровностью замахал окрайком поля. Выпрыгнув на дорогу, русак присел - на снегу виднеются отпечатки пазанков задних лап - и неторопливо двинулся по колее, где недавно прокатил грузовик, оставивший отпечаток витой упругой шины.

Малик потерялся - надо спокойно двигаться по дороге, высматривать возможную скидку, внимательно оглядывать каждый придорожный куст, каждую полосу бурьяна. Невдалеке капуста. Зная привычки зайца, можно быть уверенным, что именно здесь и сделает свою головокружительную скидку русак. Так и есть: чуть ли не за десяток шагов от дороги опять виднеются четыре косые ямки, скоро переходящие в сплошную шахматную путаницу. Русак - и, очевидно, очень долго - глодал смороженные кочерыжки, затем с другого конца поля вновь вернулся на дорогу, поднялся на задние лапки, прислушался и не спеша снова направился к капустнику.

После жировки заяц вымахнул в поле, делая огромные прыжки: четыре ямки вытянулись почти в ровную линию, в цепочку.

Русак сделал тут резкий поворот, даже оступился - на снегу остался пунктирный полукруг, - вернулся тем же следом назад (спетлял), а потом опять скинулся в кустарник.

На озимях, прилегающих к перелеску, он оставил еще несколько кружевных петель и, наконец, зачастил среди берез и где-то залег: выходного следа при обходе перелеска не обнаруживается. Заяц где-то здесь, совсем близко...

Окончательная удача охоты зависит при троплении от осторожности и рассчитанности каждого шага, от ежесекундной готовности к трудному выстрелу по русаку, вымахнувшему из какого-нибудь можжевельного куста.

Лунными ночами (на засидках). На западе, над бором, еще не угасло солнце, а на другом склоне неба, на востоке, уже светится луна. Все вокруг розовеет и золотится: и полевые снега, и деревенские крыши, и лесная опушка.

Все больше и больше показывается звезд в чистой пустоте неба, все спокойнее и тише делается в деревне. Звонко, но как-то лениво, предсонно, лает - и сразу стихает - собака. Ломко доносится хруст и скрип валенок по смороженному снегу: это возвращается с посиделок молодежь, и звучный девичий голос бодро разносится в морозном воздухе.

Потом стихают и эти звуки... Тишина - великая, нерушимая.

Далеко-далеко слышны в этой тишине осторожные прыжки зайца-русака, направляющегося жировать на гумно. Заяц постепенно приближается, за ним, удлинясь, ломается бесформенная тень. Вот он делает широкий круг и, задерживаясь на гребне сугроба, поднимается на задние лапы. Неожиданно сбитый выстрелом, заяц сползает вниз.

Охота на засидках, сравнительно малодобычливая, интересна в первую очередь для охотника наблюдателя и любителя природы. Она дает возможность наблюдать зайца в естественно природной обстановке, на кормежке и одновременно любоваться лунной ночью (темной ночью эта охота, понятно, невозможна).

Охота на засидках производится глубокой зимой, когда русак в поисках корма "жметя" ближе к селениям, в частности к санным сараям, около которых он подбирает санный трюх.

Прежде чем отправиться на засидку, охотник определяет тот сарай (или стог сена), который особенно усердно посещается зайцами. Это устанавливается обычно по следам.

Некоторые охотники пользуются при этом и способом приваживания зайцев к тому или иному определенному месту, подкладывая приманку: листья и кочерыжки капусты, мелкий клевер и т. п. Зайцы будут неизменно посещать это место.

Отправляться на засидку надо как можно раньше - на закате солнца: заяц, проголодавшийся за день, выходит на жировку сразу же, как наступят сумерки.

Рис. 6. Маньчжурский заяц

Непременное условие на этой охоте - полная неподвижность охотника.

Выбор места тоже, разумеется, много способствует успеху охоты садиться лучше всего или в сарае, или у сеного стога, и притом так, чтобы фигура охотника оставалась незаметной.

Поскольку выстрел при зыбком лунном свете довольно труден, выцеливать зайца надо тщательно, выбирая "позицию" с таким расчетом, чтобы луна находилась сзади охотника.

Прочие охоты на зайцев. Существует немало и других охот на зайцев. Наиболее древняя из них - охота с борзыми, пышно процветавшая еще в Киевской Руси и отраженная в многочисленных и блестящих литературных памятниках.

Эта "потеха", полная удали, смелости и щегольства, отличалась своеобразной красотой и имела определенное значение в деле подготовки воинов-кавалеристов.

Нельзя спокойно думать об "отъезде поле" - уже в самих этих словах заключена поэзия, - об охотниках на конях, о борзых, "мотающих" на угонках резвого, матерого русака...

Сцены псовой охоты в "Войне и мире" Л. Н. Толстого и в "Записках мелкотравчатого" Е. Э. Дрианского нельзя перечитывать хладнокровно - они волнуют до глубины души, как волнуют старых моряков шумные паруса, полные ветра и солнца.

А сколько теплого охотничьего чувства, удивительной словесной свежести и музыкального ритма в наших классических стихах, посвященных псовой охоте:

Вчера зарей впервые у крыльца
Вечерний дождь звездами начал стынть.
Пора седлать проворного донца
И звонкий рог за плечи перекинуть!..
(А. Фет)

Сумрачно, скучно светает заря.
Пахнет листвою и мокрыми гумнами.
Воют и тянут за рогом псаря
Гончие сворами шумными.
Тянут, стихают - и тонут следы
В темном тумане. Людская чуть курится.
Сонно в осиннике квохчут дрозды.
Чаща и дремлет и хмурится.
И до печальных вечерних огней
В море туманных лесов, за долинами,
Будет стонать все скучней и скучней
Рог голосами звериными.
(Ив. Бунин)

Псовая охота, как может быть никакая другая, требовала огромного предварительного труда, разностороннего опыта и тончайших, знаний, касающихся повадок зверей.

Но эту охоту никак нельзя считать "барской": она создавалась и проводилась выжлятниками, борзятниками, доезжачими, стремянными, ловчими, проявлявшими при этом и острую смекалку, и превосходную изобретательность, и стремительную удаль. Прекрасная организация и внешний блеск псовой охоты были обусловлены трудом крепостных. Однако плоды этого труда присваивались, как и во всем прочем, помещиками.

На псовых охотах использовались одновременно и борзые и гончие. Стая гончих "набрасывалась" в тот или иной отъем или остров, а верховые охотники, держа на сворках борзых, заранее занимали лазы, где мог пролезть зверь.

Травил зверя тот из охотников, на чей лаз он попадал. Гончие, выставившие зверя в поле, возвращались выжлятниками обратно в остров.

Помимо больших (так называемых комплексных) охот, практиковались и более скромные - в наездку, когда несколько борзятников шеренгой - примерно в 150 шагах друг от друга - выезжали в поле, "прохлопывая" наиболее типичные для зайца (или лисицы) места.

Охотники, имевшие не больше десятка борзых и охотившиеся, за отсутствием гончих, "на хлопки", назывались "мелкотравчатыми".

Псовая охота в той или иной форме распространена в южных (степных) районах нашей страны и в настоящее время.

Этой охотой занимаются и военные, и колхозные, и отдельные городские охотники. Там где имеется возможность, советские псовые охотники охотятся, как и в старину, на лошадях; там, где лошадей нет, охота производится пешим порядком: охотник, стоя на лазу с борзыми, дожидается поднятого зверя.

Возрождение псовой охоты в новых условиях влечет за собой, естественно, и возрождение славы русской борзой собаки.

Чистокровных и чистопородных борзых у нас осталось, к сожалению, немного - они находятся, главным образом, в питомнике в гор. Энгельсе, Саратовской области, - и современные псовые охотники глубоко озабочены как сохранением старых пород борзых, так и разведением новых (в частности длинношерстных и короткошерстных, культивируемых в Тамбовской области).

Надо пожелать, чтобы слава русской борзой возродилась в ее полном блеске и чтобы великолепная псовая охота развивалась у нас все шире и шире.

...Еще более древней, нежели псовая, является охота на зайцев с ловчими птицами. Она и до сих пор сохранилась в привольных и беспредельных степях юга и юго-востока.

Наиболее выносливой, сильной и ловкой среди ловчих птиц считается беркут.

Охотники выезжают верхом, держа беркута на руке, одетой в кожаную рукавицу и опирающейся - из-за тяжести птицы - на особую подставку.

Глаза беркута закрываются колпачком: лишь только взбужен заяц колпачок немедленно снимается. Беркут легко и быстро берет зайца, и там, где зайцев много, охота протекает весело и

приносит немалую добычу.

В богатых заячьих угодьях охотятся еще при помощи облавы, устраиваемой очень просто: цепь загонщиков шумно "прочесывает" определенный участок леса, направляясь к линии стрелков. Наиболее добычлива такая облава в те ледяные и звонкие дни, которые выпадают иногда в исходе осени, перед снегом. На такой облаве под ружье попадают нередко и золотистые выкуневшие (вылинявшие) лисицы, и черно-синий крепкокрылый тетерев.

Охота нагоном отличается от облавного способа тем, что охотник становится на номер в таком месте, которое определяется как верный и точный лаз (переход) зверя.

Охота нагоном производится и по черной, и по белой тропе. Осенью выбор участка для охоты подсказывается возможностью лежки русака или беляка в данном месте, зимой - отсутствием в этом месте выходного следа.

Нагоном - и осенью и зимой - удобнее охотиться на русака: русачьи дневки в открытом поле нащупываются значительно легче, нежели дневки беляка в лесу.

На охоте нагоном участвуют всего несколько человек (от двух до пяти), в то время как для облавы необходима многочисленная группа загонщиков ("кричан").

Некоторые из упомянутых здесь способов охоты на зайцев (нагоном, облавой) в наше время практически почти не применяются. Другие - с ловчими птицами, на засидках, в узёрку - не имеют массового характера.

Как уже упомянуто, самой массовой и самой любимой охотой остается ружейная охота на зайцев с гончими.

Охота на зайцев неразрывно сочетается с чудесными страницами Толстого и Дрианского, Тургенева и Некрасова, Фета и Бунина, с картинами Перова и Прянишникова, Степанова и Кившенко, Кончаловского и Савицкого.

Она вызывает в памяти родные лесные и полевые просторы, звенит переливами страстного гона и печальными зовами рога...

Тургенев, очень любивший оперу Вебера "Волшебный стрелок", писал когда-то: "Вебер не последний музыкант, которого вдохновит поэзия охоты..." [См. статью И. С. Тургенева о "Записках ружейного охотника Оренбургской губернии" С. Т. Аксакова]

Рис. 7. Дикий кролик

Писатель-охотник оказался прав: охотничий рог призывно звучит в одном из самых величайших созданий русского музыкального гения - в "Сказании о невидимом граде Китеже" Римского-Корсакова; поэтический мотив охоты с гончими слышится во "Временах года" Чайковского ["Октябрь - охота"]; прелесть природы и охоты явно ощущается во вдохновенной

поэме о России - во "Второй симфонии" Рахманинова.

Нам необходимо самым настойчивым образом поднимать культуру охоты и охотничьего хозяйства, добиваясь, в частности, того, чтобы настоящие советские охотники обладали и настоящими охотничьими собаками. От гончих, наряду с их полевыми качествами, следует требовать и отличного экстерьера чистопородности, красоты, стройности. Хороший голос гончей ("башур", "фигурный" или "яркий") придает охоте особое очарование. Торжественные строки Некрасова:

" - Гон так певуч, музыкален и ровен, что твой Россини, что твой Бетховен...",

несмотря на явное преувеличение, содержат какую-то долю правды: горячий и страстный гон, особенно если гонят несколько сработавшихся гончих, относится, несомненно, к области музыки.

ОХОТА НА БЕЛКУ

Несколько биологических замечаний. Белка - один из самых подвижных и грациозных зверьков нашего леса.

Вот она по-кошачьи умывается, потом растягивается на сосновом сучке, хорошо пахнущем стылой смолой, и вдруг, чем-то испуганная, озабоченно цокает, внимательно озирается черными бусинками глаз и делает стремительный прыжок на соседнее дерево, выправив хвост. Вцепившись одной лапкой в зыбкую ветвь, белка неторопливо раскачивается, гибко перевертывается в воздухе и, мгновенно сбега, вниз по стволу, оказывается уже на земле. По земле она стелется прыжками, опираясь на передние лапки и занося задние вперед. Иногда она взбирается обратно на дерево "винтом", проявляя удивительную устойчивость и ловкость. В случае опасности белка умело таится в гущине дерева, но, будучи очень чуткой, быстро обнаруживает себя, если постучать топором по стволу или качнуть дерево.

Гнездо (гайно) белки свито из прутьев и мха. Оно имеет обычно форму неправильного шара и находится где-нибудь между сучьями хвойного дерева. Нередко белка поселяется и в дупле. Внутри гнездо устилается мхом, листьями, сухой травой: белка весьма чувствительна к холоду, а особенно к сквозному ветру. В сильный холод отверстие в гнезде белка закрывает клочьями подстилки. Температура в закрытом белчином гнезде при 15 - 18° мороза (по Цельсию) доходит до 20° тепла.

В теплом гнезде белка разводится, однако, много клещей и блох, и на этот случай белка имеет запасные гнезда (у заботливой матери их бывает от трех до пяти).

Как животное дневное белка вечера и ночи проводит в гнезде. В ненастную погоду, в дождь, вьюгу и холод, она скрывается в гнезде и днем, выходя лишь за добычей пищи.

Белка, не подверженная зимней спячке, делает на зиму определенные продовольственные запасы (желуди, орехи). Она складывает эти запасы не в гнезде, а где-нибудь по соседству - в трещинах деревьев, в развилках между сучьями и т. д. Запасает она и грибы.

Запасы, делаемые белкой, обычно невелики и могут служить ей лишь подспорьем в мороз или ненастье. Зимой белка находит также запасы кормов, сделанные другими животными: бурундуками, кедровками, дятлами. Она обнаруживает эти запасы при помощи чутья - чутье у нее поистине удивительное, позволяющее учуять орех или желудь сквозь метровый слой снега!

Встречая однажды зимний рассвет на опушке леса, я услышал на одной из елок осторожный хруст: легкая белочка, вся серебряная, с пышным выгнутым хвостом, показалась на вершине, перемахнула на близкую сосну и быстро, вперегонки с солнечным лучом, скользнула вниз. Она немного покружила по снегу, оставляя витую цепочку следа, и стала усердно разрывать снежную пелену, скованную морозом. Постепенно зверек исчез в снегу: он обнаружил в его глубине еловую шишку или вкусный орех. Сверху осталась узорная неправильная лунка.

Из-под низко нависших сосновых лап неожиданно - и совершенно бесшумно - показалась красная лисица. Шерсть ее лоснилась, черно-стальной хвост подрагивал, глаза, зоркие и быстрые, оранжевые, хищно светились: она охотилась на белку...

После моего выстрела "кумушка" осталась неподвижной. Белочка, стрелой метнувшаяся

из-под снега, мгновенно взвилась на вершину елки и, зазолотевшая от солнца, испуганно "зацокала", с любопытством взглядывая вниз. Потом она успокоилась и стала неторопливо вышелушивать из еловой шишки вкусные смороженные семена.

Еловые семена - основное питание белки, они содержат до сорока процентов жира и столько же белков. Кроме семян елки (и других хвойных менее питательных), белка кормится ягодами, желудями, орехами. "Белка раскусывает орех так: в то место, где был прикреплен орех к веточке, белка вонзает оба нижних резца, раздвигает половинки нижних челюстей, которые подвижно соединены спереди. Нижние резцы от этого расходятся, и орех разваливается" (П. А. Мантейфель).

Рис. 8. Белка

В голодные же зимы (или когда иссякают все и всяческие запасы) белка питается почками елей, молодыми побегами, березовыми лишайниками. "Чтобы достать почки, белка срезает кончик еловой ветки 6 - 8 см длиной и кормится, держа его в лапках. Множество таких веточек настрижет она за день, прежде чем набьет себе желудок. Под большими елями тогда лежит на снегу целый зеленый ковер" [А. Н. Формозов. Спутник следопыта. М., 1952.].

Иногда белка разоряет птичьи гнезда, поедая яйца или маленьких птенцов. В муравейниках она выбирает личинки. Попад в сад, белка вынимает семена из яблок и косточки из слив, причиняя этим известный ущерб. Вместе с тем она оказывает и некоторую пользу - уничтожает личинки вредоносных насекомых.

Белка довольно плодовита, она приносит до трёх выводков в год - всего до десятка детенышей. Беременность длится 35 дней. Молодые белки, родившиеся летом, весной следующего года уже приносят бельчат. Матери белки исключительно привязаны к детям.

Белка линяет дважды в год - весной и осенью. Хвост ее линяет, однако, раз в год. В среднерусской полосе весенняя линька продолжается примерно с половины марта до половины мая; осенняя - с начала сентября до конца октября. Первыми - и осенью и весной - начинают линять самцы.

Белку нельзя считать вполне оседлым зверем, поскольку ее оседлость зависит от достаточности корма, от урожая хвойных семян [Хвойные деревья дают семена в определенные сроки; так, ель плодоносит приблизительно раз в четыре года; урожай орехов и желудей бывает тоже не ежегодно]. Правда, в разнородном лесу, где дуб соседствует с лиственницей, а пихта с елью, полный неурожай семян бывает чрезвычайно редко. Но на севере, где растут только сосновые и еловые леса, белка иногда оказывается действительно без пищи и вынуждена совершать в поисках корма периодические, иногда очень длительные и утомительные, перекочевки. П. А. Мантейфель утверждает, что белка проходит иногда до 350 км, преодолевая при этом ряд горных хребтов.

Белки устремляются на новые места и одиночками, и группами; они идут и лесами, и полевыми просторами, через деревни, а иногда и через города. Случается, что белки пересекают в этих путешествиях открытую тундру и переплывают широкие сибирские реки. Один из советских литераторов наблюдал, например, такую сцену на Лене: "Через километровую ширь реки, высоко подняв пушистые хвосты, плыли белки. Это была бесчисленная стая, с удивительным упорством преодолевавшая непосильный, казалось бы, водный рубеж. Стая переплывала реку в течение нескольких часов. Держались белки голова к голове." [М. Зингер. В море, в тундре, в тайге. "Охотничьи просторы". № 5, 1954].

На новом месте белки сразу же начинают искать подходящее дупло или устраивать гнездо, что зимой особенно трудно; поэтому бывает, что в одном гнезде укрывается одновременно парочка (реже тройка) белок.

Как птицы во время перелетов, так и белки в пору своих перекочевки несут немалый урон: они гибнут от голода и от нападений хищников-ястребов, филинов, сов, тонут в реках, но в основной массе все же добираются до тех или иных урожайных лесов.

Если в таком лесу скапливается очень много белок, лес кажется особенно веселым и радостным: тут и там разносится звучное цоканье, в вершинах деревьев стоит рассыпчатый шорох, земля усыпается еловой чешуей, то и дело мелькают легкие, изящные акробаты зверьки.

Белка - один из самых распространенных зверьков в нашей необъятной стране. Она заселяет всю лесную полосу Европейской части СССР и все сибирские леса до Тихого океана. В двадцатых годах нашего века белки самостоятельно перешли, преодолев огромные тундровые пространства, из Якутии на Камчатку, "освоив" почти всю лесную часть полуострова. В леса Крыма и Северного Кавказа, где белки никогда не встречались, они были завезены в 1937 - 1940 гг. (на Кавказ - алтайские белки, в Крым белка-телеутка). Теперь белки вполне акклиматизировались в этих краях [С. А. Ларин в своей монографии "Белка", Заготиздат, М., 1953, говорит также о завозе белок в последние годы и в леса Средней Азии].

Белки нашей страны заметно различаются и по своему размеру, и по окрасу меха, и по его качествам. По этим признакам зоологи насчитывают до 12 - 17 подвидов белки, объединяя эти подвиды в четыре группы.

Одна из лучших, по меху и самая крупная по размерам - белка-телеутка (Южная полоса, Западная Сибирь и Северный Казахстан). Целая шкурка белки-телеутки имеет красивый серебристо-светлый оттенок.

Белка издавна, со времен глубокой древности, служила предметом охотничье-пушного промысла.

Ипатьевская летопись, говоря о древнерусской дичи, упоминает, между прочим: "имаху по беле и веверице тако от дыма..." Из беличьих мехов в старину шили шубы; употреблялись они и на украшение женских нарядов. Беличий мех продавался на внутреннем и внешнем рынках тысячами. В частности, тысяча беличьих шкурок в XVI веке (в Холмогорах) стоила 40 ефимков [Тогдашнее название серебряного немецкого талера, равного трем маркам]. В настоящее время белка составляет не менее тридцати процентов всех пушных заготовок в нашей стране.

Зимний промысел белки - знаменитое белковое, так поэтически описанное А. А. Черкасовым [А. А. Черкасов. Записки ружейного охотника Восточной Сибири. Иркутск, 1950.], - составляет существенную отрасль крестьянско-колхозного хозяйства.

Вместе с тем, охота на белок имеет и спортивный характер.

Спортивная охота на белок вырабатывает у охотника навыки следопыта, обостряет зрение и слух, учит наблюдательности. Охота на белок, как и всякая другая, требует известной организации и тщательной предварительной разведки, что также связано с умением охотника свободно ориентироваться в природе.

Охотник должен прежде всего установить приблизительное наличие белок в том районе, где он будет охотиться.

Если урожай семян хороший и белки в течение лета встречаются в этих охотничьих угодьях часто, значит есть все основания ожидать хорошей беличьей охоты осенью. Но иногда и при хорошем урожае хвойных численность белок оказывается незначительной. Это бывает обычно после ряда неурожайных лет - и тогда надо ждать резкого увеличения белок на следующую осень.

В "урожайную" осень охота на белок легкая и веселая, в скудную довольно трудная, хотя и не менее увлекательная.

Установление того или иного, хотя бы грубо приблизительного, количества белок - только одно из условий успешной охоты. Другое ее условие - выбрать тот момент для начала охоты, когда белка, как говорят охотники, "пошла в зиму", т. е. окончательно "доцвела".

Перецветание (выкунивание) белки зависит от погоды. При дождливой и холодной осени, заканчивающейся ранним выпадением снега, белки выцветают значительно быстрее; более длительный процесс линьки наблюдается в теплую и ветреную осень. Кроме того, старые белки при любых условиях выкунивают раньше, нежели молодые.

Во время осенней линьки белок мездра окрашивается в темно-синий цвет: это так называемый пигмент, красящее вещество, образующееся в корнях новых волос. Когда волосы отрастают, синева исчезает - белка "выкунела", можно отправляться на охоту.

Настоящий охотник не должен делать ни одного напрасного выстрела, на какую бы дичь он ни охотился. Убить невылинявшую белку так же позорно, как и тетерева-"поршка". В начале беличьего сезона следует стрелять только тех белок, которые целиком оделись в зимнюю шубку. Один из признаков закончившейся линьки белки - отросшие и загнутые назад кисточки на ушах.

Стрелять белку нужно дробью № 4 или 5. Всегда полезно иметь в патронташе патроны с половинным зарядом - для стрельбы на близком расстоянии.

Шкурка с белки снимается обычно, как и с зайца, "трубкой", с разрезом по огузку. Кость из хвоста выдергивается. С лапок шкурка снимается вплоть до пальцев, коготки тоже удаляются. Необходимо удалить со шкурки все остатки мяса и жира.

Охота "на слух". В тихие осенние и зимние дни на белок можно охотиться "на слух": приглядываясь к "по-копкам" зверька на земле и прислушиваясь к шуршанию в елках, похожему на мельчайший дождик. Несколько осторожных, беззвучных шагов - и перед глазами наблюдателя-следопыта чудесная лесная картина: высоко на еловой ветви сидит белка в своей атласной голубоватой шубке. Белка неторопливо отрывает и бросает одну за другой чешуйки с еловой шишки, крепко зажатой в передних лапах, и жадно, со вкусом, поедает семена. От шишки, съеденной белкой, остается только стерженек. По этим остаткам и чешуйкам, разбросанным по земле, и узнается местопребывание белки.

Охота "на слух", впрочем, малодобычлива и, самое главное, лишена того веселого и страстного напряжения, которое дает охота с лайкой.

Охота с лайкой. В очерке Н. А. Зворыкина "Белка" [Н. А. Зворыкин. Избранные произведения, "Физкультура и спорт", М., 1954] имеется такой, замечательный по типичности, "портрет" лайки:

"Лайки разыскивают птиц и зверей не только чутьем, но также слухом и зрением, которые у них очень развиты.

Идя на поиске коротким галопом или рысью, лайка пересекает время от времени направление хода хозяина.

Настороженность сквозит во всех движениях лайки, она частенько на ходу оглядывает снизу доверху деревья, бросает острый взгляд вперед, в стороны. Неожиданно она опрометью, растянутыми прыжками, мчит в глубину леса. Это значит, что лайка заметила где-то на земле

или на дереве движение птицы или зверька.

Иногда, идя галопом, лайка вдруг переходит на настороженную рысь, напряженные лапы ступают по-лисьи, чуткие уши словно заостряются, напрягаются и поворачиваются в одну сторону. Это значит, что до слуха лайки донесся какой-то звук: шорох от движений белки, поднимающейся по сухой коре, или чуть слышный стук сбитой зверьками шишки, или, может быть, шелест отрываемого глухарем осинового листа. И лайка летит туда со всех ног и вскоре возвещает о находке добычи звонким позывистым лаем".

Успех охоты на белок во многом зависит еще и от состояния погоды.

В сумрачные, холодные, дождливые и ветреные дни белка покидает гнездо очень неохотно, и отыскивать ее тогда, конечно, сложнее. Почти совсем не выходит она из гнезда в морозные или влажные дни. Прохладные солнечные дни, которые выдаются нередко поздней осенью, белка проводит главным образом на воле, и эти дни - самое лучшее время для охоты на белок. Жирующая и "гуляющая" белка оставляет следы на земле, наполняет тишину шорохом и стуком сбрасываемых шишек и их чешуи, попадает на глаза собаке (и охотнику) во время своих "перепрыжек" и перебежек - из лесу то и дело разливается звонкий лай, перебиваемый выстрелами...

Особенно весело протекает охота в смешанном лесу, когда собака облаивает белку не только на хвойных, но и на лиственных, почти голых, деревьях, что дает возможность наблюдать акробатические повадки зверька во всей их легкости и стремительности.

В еловом лесу и поиски белки и стрельба гораздо труднее, хотя в этой трудности есть и своя прелесть. Охотник всегда испытывает, например, большое удовольствие и удовлетворение, если после длительного и настойчивого разглядывания все же обнаруживает в какой-нибудь дремучей еловой вершине неподвижно затаившегося зверька. Обычно его обнаруживают не целиком и стреляют в значительной мере наугад, с волнением проверяя зоркость своих глаз. Выстрел звучит коротко и глухо, сбивая веточки и остинки, и вслед за ним с дерева, с высоты, круто, дугой, падает белка. Добытая после веселых охотничьих трудов, внимательного разглядывания или даже подъема на дерево, она дает особенную радость.

Если белка только ранена, она обычно цепляется за сучья и повисает на них. Тогда приходится забираться на дерево: по охотничьим правилам никогда не следует оставлять неподобранной никакую дичь.

Разглядывание белки в хвойном лесу затрудняется нередко тем, что она находится не на том дереве, на которое лает собака, а на одном из соседних. Белка часто незаметно для собаки перемещается с дерева на дерево, особенно если они растут совсем рядом.

Для быстрого обнаружения белки охотники пускают в ход не только топор, ударяя обухом по стволу дерева, но и длинный тонкий шест ("колот"), и - в качестве крайней меры - выстрел вдоль ствола "бекасинником"...

Охота на белок продолжается в среднем с конца октября до конца декабря. Впрочем, и это зависит главным образом от погоды - от снегопада. При малоснежье можно охотиться и до февраля; при ранних и глубоких снеговых наносах охота прекращается и в самом начале зимы. Глубокие снега затрудняют и работу собаки, и ходьбу охотника.

ЛЕТЯГА

Охотники, которым приходилось проводить зимние лунные ночи у костра, знают их романтическую таинственность.

Едва отгорит студеная красная заря и поднимется с востока медный месяц, в лесу начинается ночная жизнь.

Над лесом перекатывается протяжный гулкий крик, переходящий в хохот: из чащи подымается, широко размахивая крыльями, бесшумный и зоркий филин.

На опушке показываются волки. Они идут гуськом, след в след. Уши зверей приподняты, слух обострен до крайности, глаза горят хищно и; злобно, в каждом движении сквозит сноровка и настороженность.

Легко и осторожно движутся по лесной поляне лоси, и рога сохатого вспыхивают под луной, как златокованный венец.

Рысь, дремавшая днем в непролазных сосновых зарослях, легко вымахивает на просеку, долго оглядывает светящийся лес, чутко вслушивается в тишину и, вся настороженная, тихо движется по заячьим следам.

Куница стрелой носится по вершинам елок, вынюхивая беличьи гнезда. Серебряной цепочкой сыплется за ней иней.

А вот, потревоженный куницей, с елки стремительно сбрасывается и как бы летит по воздуху (на расстояние до 20 - 30 м) зверек, похожий на белку. Это летяга - представитель особого семейства лесных грызунов, очень близкого к белкам. Отличительная особенность летяги - ее воздушные полеты-прыжки, объясняемые тем, что у нее между передними и задними конечностями натянута складка кожи, густо покрытая волосами. Название зверька - "летяга" (по-видимому, народное) красиво и точно передает эту ее биологическую особенность. На земле летательные перепонки значительно затрудняют движения зверька.

Летяга несколько меньше белки: туловище ее составляет около 15 см, хвост - 11 см (длина тела белки около 24 см).

Мех выкуневшей летяги, серебристый и шелковистый, довольно красив, мягок и пышен. Хвост ее, однако, уступает беличьему и в пышности и в "расческе"; цвет его тусклый, с заметным желтоватым оттенком.

Мех летяги ценится, однако, невысоко, а обработка его из-за тонкости мездры представляет известные трудности.

Летяга обитает почти по всей лесной полосе нашей страны, не встречается лишь в некоторых южных и северных окраинных лесах. Питается растительной пищей, той же, что и белка, добавляя к ней иногда кое-каких насекомых.

Зверек придерживается по преимуществу глухих и потаенных участков смешанного леса и выходит на жировку лишь с наступлением сумерек; день он проводит в гнезде (обычно в дупле дерева). На землю летяга почти не спускается - это чисто древесный зверек, - но, лазая по деревьям, проявляет акробатическую ловкость и сноровку. Эти сноровка и ловкость в сочетании со способностью "полета" по воздуху делают летягу одним из самых оригинальных, почти сказочных зверьков нашего русского леса.

Линяет летяга дважды в год - весной и осенью. В средней России (в частности на Верхней Волге) летяги, добытые в октябре, одеты уже по-зимнему. Время течки - февраль. Второй выводок - летом (в июне). Приносит 2 - 5 детенышей.

Летяга - зверек немногочисленный и в ряде районов должен подлежать охране.

Каких-либо специальных способов охоты на летягу не существует - ее бьют главным образом во время охоты на белку.

ОХОТА НА БУРУНДУКА

В осенней тайге, усыпанной игольчатым золотом лиственниц, то и дело показывается как бы подвижной бродячий огонек - небольшой, веселый, стремительный бурундук. Завидев человека, он безбоязненно и довольно близко подбегает к нему, проявляя явное любопытство, и некоторое время "проводит" его, быстро прыгая по кустам.

Бурундук по своим размерам почти равен летяге (длина тела 14 см, хвоста 12 - 13 см); окраска зверька довольно разнообразна и красива: оранжево-рыжеватая (бледнее на боках и ярче в задней части туловища), с пятью густо-черными пестринами на спине и с белизной на нижней части тела. Хвост в темноватых волосах, кончики которых серебрятся, как верхушки ковыля.

Бурундук - по преимуществу таежный зверек, населяющий северо-восток Европейской части Союза, огромную часть Сибири, Дальнего Востока и некоторые районы Алтая. Зверек избегает, однако, наиболее глухих таежных урочищ, предпочитая смешанные леса, перемеженные овражками, кустарниками, долинами и т. п. Часто держится бурундук и в лиственных лесах, а также по мелкорослым лесным окраинам, в соседстве с хлебными полями.

Питается бурундук преимущественно растительной пищей - семенами лесных трав и хвойных деревьев, ягодами, грибами и кедровыми орехами. Не отказывается он, впрочем, и от насекомых, птичьих яиц, ящериц и прочих мелких животных. В большом количестве истребляет зверек хлебные зерна, нанося известный вред посевам. В исходе лета бурундук туго набивает свои защечные мешки семенами (или кедровыми орешками), и тогда голова его кажется несообразно большой. В его защечных мешках помещается около 10 г зерна.

Рис. 9. Бурундук

Бурундука называют иногда "земляной белкой": он живет под землей, вырывая нору в каком-либо потайном месте среди валежника, между корнями деревьев, под кустами и т. д. Нора его не имеет отнорков и коридоров, как, например, нора барсука, но довольно вместительна, хорошо замаскирована и прочна. В норе "оборудованы" специальные хранилища, в которых зверек складывает запасы корма, приносимые им в защечных мешках. Запас корма, достигающий иногда 4 кг и выше, хранится в образцовом порядке: бурундук заботливый и рачительный хозяин. Запасенный осенью корм не используется зверьком до весны: зиму он проводит в спячке. Спит он очень крепко и долго (в средней Сибири - с октября по апрель). Исхудавший и истощенный за зиму, весной бурундук с жадностью набрасывается на пищу.

Вскоре после пробуждения, у бурундука начинается брачный период; самцы, издавая особый призывный крик, гоняются друг за другом и затевают драки. Самка носит тридцать один день; в конце мая она мечет четыре-шесть (а иногда и до десятка) детенышей, которые через полтора месяца уже начинают самостоятельную жизнь - расходятся в стороны и роют собственную нору с "кладовыми" для запасов корма. Самка рождает детенышей только раз в году.

Бурундук, подобно белке, дневное животное: ночью он спит. Он сравнительно плохо лазает по деревьям и держится больше на земле или в низкорослых кустарниках.

Бурундуков в довольно большом количестве истребляют воздушные и наземные хищники, и особенно медведи: разоряя осенью норки бурундуков, они съедают не только богатства их кладовых, но и самих хозяев.

Шкурка бурундука имеет определенную ценность, и охота на него развита довольно широко.

Бурундуков в таежных просторах очень много. Охота на них добычливая, легкая и веселая, не требующая особой затраты сил, усиленной ходьбы и напряжения: эти зверьки водятся в лесах,

вплотную примыкающих к селениям (в том числе и к большим городам). Охотятся за бурундуками больше всего молодые колхозные (и городские) охотники.

Охота на бурундука начинается весной, вслед за выходом зверька из норы; она продолжается примерно 40 - 45 дней (в среднем до конца мая), совпадая с брачным периодом у зверьков, что резко повышает ее добычливость. Летом шкурка зверька не представляет ценности и охота не производится. Возобновляясь в сентябре, она продолжается до конца октября, до погружения бурундука в зимнюю спячку.

Весной на бурундука охотятся с петлей и манком.

Охотник издает сначала отрывистый и короткий свист - подражание голосу самки; потом он подражает крику самца, повторяя его с промежутками в 10 15 сек. Голос бурундука слышен в тайге очень далеко, и на манок является много зверьков. Они мчатся оттуда и отсюда, быстро перемахивая препятствия, и, готовясь к встрече с соперниками, имеют возбужденный вид. В траве и в кустах то и дело загораются "огоньки" - мелькают оранжевые спинки и, подобно крупной картечи, чернеют изумленные, несколько на выкате, глаза. Вот один из зверьков совсем близко подбегает к охотнику, и тот, все отрывистее посвистывая в манок, бесшумно заносит удилище с петлей. Зверек совсем близко, он вскакивает на куст, садится на задние лапки. Удилище опускается, тонкая волосная петля окружает шею зверька и, после сильного рывка в сторону, затягивает ее...

Так один за другим попадают в петлю разгоряченные зовом бурундуки.

Лучшее время для этой охоты - утро и полдень.

Многие сибирские охотники обходятся без манка, умело и ловко подражают крику бурундука, дуя в сложенные ладони рук.

Осенью охота на бурундука с манком и петлей дает гораздо меньший эффект и заменяется охотой с ружьем и собакой [Охотясь с манком, тоже можно, конечно, применять вместо петли ружье, но гул выстрелов пугает зверька и снижает добычливость охоты]. Эта охота во многом сходна с охотой на белок. Собака (лайка или чутыстая дворняжка) выгоняет зверька на чистое место или "сажает" на дерево (обычно низкорослое), и охотник тут же завершает дело выстрелом. Поскольку стрелять приходится близко, употребляется обычно половинный заряд (с дробью № 8 - 10).

Шкурка бурундука снимается, как и у белки, трубкой.

Охота на бурундуков имеет свою прелесть и значимость, она прививает молодому охотнику первичные навыки стрелка и следопыта. Есть в ней и своя поэзия, сопряженная с жизнью тайги, - и весенней, полной аромата и цвета, и осенней, пленяющей тишиной и хрупким золотом лиственниц.

Хорошо уйти после школьных занятий в ближний лес с другом-собакой, бродить по его опушкам и просекам, веселиться от звонкого лая и раскатистого выстрела, любоваться изящным и легким зверьком в теплой и пушистой шкурке, подобной узорам пахучей сосновой коры. И радостно смотреть потом на груды этих шкурок, навешанных на стене, то гордясь самостоятельным заработком, то мечтая о куртке на легком и красивом меху, то о подарке любимой девушке в день ее рождения.

ЖИВОТНЫЕ-ПОДВОДНИКИ РЕЧНОЙ БОБР

М. М. Пришвин говорил однажды автору этих заметок, что одним из самых совершенных своих произведений он считает повесть "Серая сова".

- Вообще, - добавлял писатель, - "Серая Сова" - большое событие в моей жизни. В детстве я часто мечтал уйти в страну индейцев, а когда стал стариться - индейцы, в виде героев книги "Серая сова", сами пришли ко мне...

Повесть Пришвина "Серая сова" - это свободный и вольный пересказ книг индейского (канадского) охотника-писателя Вэша Куоннезина. Она с удивительной художественностью и

увлекательностью рассказывает о жизни бобров в естественном и одомашненном состоянии, создавая одновременно незабываемые образы подлинно живых людей (Вэша Куоннезина и его жены). Повесть пронизана трогательной поэзией и тем родственным вниманием к человеку и животным, которое отличает творчество Пришвина в его лучших произведениях.

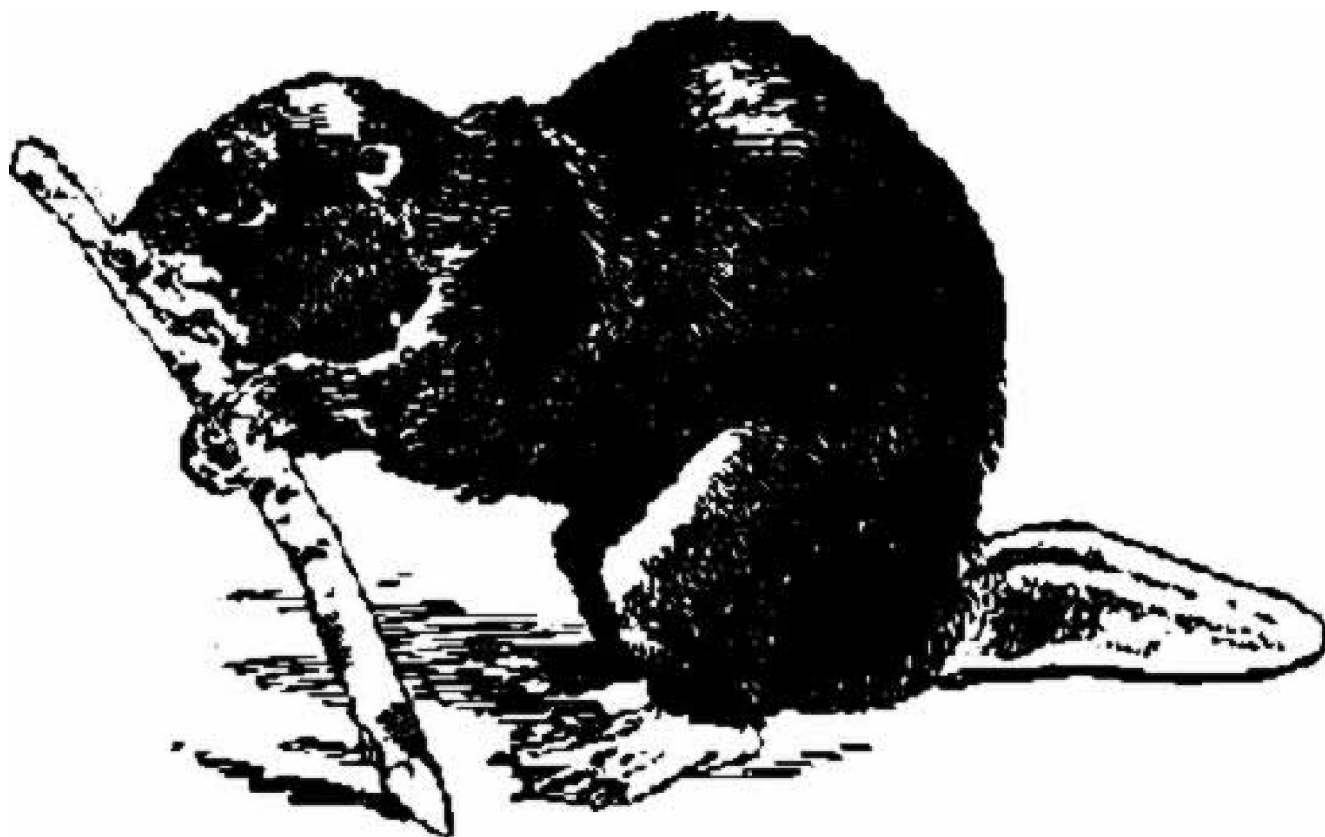

Рис. 10. Бобр

"Серая сова" очень много дает читателю, в особенности молодому, и в чисто познавательном смысле; она не только показывает бобров во всех их биологических особенностях, но и заставляет полюбить их, способствуя всяческой охране этих исключительно интересных животных.

Когда-то, во времена глубокой древности, бобр обитал в нашей стране почти повсеместно, во всех ее бесчисленных озерах и реках. Бобровый мех употреблялся для отделки наиболее дорогой, особенно женской, одежды. В "Слове о полку Игореве" Ярославна нежно и горестно причитает. "Полечу, рече, - зегзицею по Дунаеви, омочу бебрян рукав в Каяле-рече..." [Некоторые (и притом наиболее талантливые) исследователи "Слова" (А. К. Югов) считают, что "бебрян" - не бобровый мех, а мех барса, как знак царственности, но это только догадка, а не исторически доказанный факт.]

Кроме меха, чрезвычайно ценилась всегда и так называемая бобровая струя, широко применявшаяся в медицине.

Неумеренное истребление бобра в прошлом привело к резкому сокращению его поголовья. К исходу XIX в. в России насчитывались только отдельные колонии бобров. После Октябрьской революции бобры были взяты под охрану, началось подлинное возрождение и всяческое расселение (реакклиматизация) этих ценнейших животных.

Бобры - самые крупные представители семейства грызунов (длина тела более 1 м, вес - до 30 кг и более). Чрезвычайно своеобразен внешний вид бобра: приземистое туловище, покрытое мутно-каштановым мехом, короткие ноги с широкими, почти утиными, перепонками, могучая голова, похожий на лопату хвост, достигающий 30 см в длину и 13 см в ширину.

При взгляде на бобра сразу же можно отличить одну его внешнюю особенность: его глаза, короткие уши и ноздри находятся на одной линии и потому он, чуть высунув на поверхность голову, сразу может обонять, слышать и видеть.

Бобр хорошо плавает и ныряет, он может пробыть в воде свыше пяти минут, а выйдя из воды, "остаётся сухим": вода быстро скатывается с его остевых волос, не проникая сквозь густой подшерсток. По выходе из воды бобр заботливо и внимательно приводит себя в порядок: выжимает передними лапами душистую маслянистую жидкость из двух пар мускусных и жировых желез, смазывает ею голову и шкуру, растирает смазку ладонями, а потом расчесывает задними лапами блестящую и влажную шерсть.

Питаются бобры исключительно растительной пищей: травами, растениями, древесной корой, листьями и ветвями; особенно любят они такие древесные породы, как ива, черемуха, осина и тополь.

Бобры - животные-строители, животные-архитекторы, достигающие в "строительном деле" огромного изощренного мастерства, подобного которому почти не наблюдается в животном мире. Они строят норы и хатки, плотины и каналы.

Нора - основное жилище бобра; для рытья ее нужен высокий берег с крепкой и сухой почвой. Вход в нору находится обязательно под водой, жилая и очень просторная и чистая "комната" - поблизости от поверхности земли. Она выстлана прутьями, щепками, древесной стружкой и т. п. От жилья иногда бывает проложено еще несколько ходов, выходящих то на поверхность, то опять-таки в воду. По этим ходам в жилье проникает свежий воздух.

Там, где берега почему-либо непригодны для рытья нор, бобры строят на кочках, корягах и наружных корневищах целые хатки из ила, камней, древесных ветвей и т. д. Вход в хату, как и в нору, скрыт под водой. Жилое помещение и в хатке отличается вместительностью и чистотой.

Иногда хатки состоят из нескольких этажей - целый "бобровый терем".

Во время засухи, обмеления и т. д. бобры, чтобы удержать необходимый уровень воды, обеспечивающий им продвижение вплавь и маскировку нор, строят плотины, являющиеся наиболее ярким проявлением их строительного искусства.

Когда поблизости иссякают запасы кормов, животные прорывают довольно длинные и глубокие каналы (до 40 - 50 см шириной, до 1 м глубиной и 200 м и более длиной). По этим каналам они сплавляют к норам необходимые им корма.

Для получения древесного корма бобры сваливают деревья, подгрызая их на уровне около 30 см от земли. Деревья, сваливаемые бобрами, достигают иногда до 40 - 50 см, в поперечнике. Эти неутомимые "дровосеки", обрабатывая дерево, поднимаются на задние лапы и, вгрызаясь мощными резцами в ствол, движутся вокруг него, осыпаясь мелкой, легкой стружкой.

Ветви поваленных деревьев аккуратно обгрызаются, сами деревья разделяются по частям и сплавляются к жилищам бобров. На зиму семья бобров запасает таким образом до 25 кубометров веток и древесных обрубков (с обрубков съедается кора).

Бобры - ночные животные: днем они обычно отдыхают, а ночь проводят в поисках пищи, валке деревьев и строительных работах.

Спаривание бобров происходит в середине зимы; самка носит около 110 дней и рождает 2 - 5 детенышей.

В каждом бобровом поселении живет целая семья: двое взрослых бобров, молодые, рождения прошлого года, и бобрята, родившиеся в настоящем году, иногда до десятка животных. Молодые покидают родительский кров в двухлетнем возрасте.

В настоящее время бобры расселены почти по всей территории Российской Федерации и по территории некоторых смежных республик (Белоруссия, Литва и др.). Эти красивые и ценные животные находятся под строгой охраной закона, и насущное дело каждого советского культурного охотника - всемерно содействовать неприкосновенности и дальнейшему увеличению численности бобров.

Нам надо добиться, чтобы все наши прекрасные реки и озера стали жилищем бобров и чтобы то "родственное внимание" к ним, которым пронизаны книги охотников-поэтов - Вэша Куоннезина и Михаила Пришвина, было целиком воспринято нашей охотничьей молодежью.

ОНДАТРА И НУТРИЯ

Ондатра - болотный грызун, ввезенный в нашу страну в 1927 г., многими своими привычками и повадками напоминает бобра. Она, как и бобр, роет в берегах прудов и озер норы с входом, непременно скрытым под водой. Норы эти, длиной иногда до двадцати метров, заканчиваются "спальней" - гнездом, находящимся очень близко от поверхности земли. Строят ондатры, если берега водоемов низменны, и хатки.

Мех ондатры, как и мех бобра, настолько густ и так плотно смазан жиром, что не смачивается водой. Как и бобр, ондатра, выйдя из воды, тщательно умывается и причесывается.

Ондатра - хороший пловец, могущий продержаться под водой до пяти минут. Умело ныряя, она срезает растения под водой, не захлебываясь. Питается зверек главным образом растительной пищей.

Зимой ондатра ведет подледный образ жизни. Если водоем, где она зимует, промерзает до дна, ондатра гибнет от голода. Весной по выходе из норы ондатра кочует, уходя иногда за сотни километров. Кочевки производятся в одиночку и только по ночам (ондатра - ночное животное). В это время происходит спаривание (гон) ондатр. Примерно через 25 дней самка приносит (в норе) до десяти детенышей. Они рождаются слепыми и прозревают через одиннадцать-двенадцать дней. В месячном возрасте детеныши кормятся уже самостоятельно. За лето ондатра приносит два выводка.

Внешне ондатра несколько напоминает водяную крысу, но значительно крупнее ее: длина ее, вместе с хвостом, достигает 55 см, вес до 1,5 кг. Окраска шкурки - или коричневая, с ржавыми искрами, или темно-бурая, почти черная по хребту.

Мясо ондатры употребляется в пищу.

Ондатра в настоящее время расселена чрезвычайно широко, почти по всей территории Советского Союза.

Шкурка ондатры ценится довольно высоко, дороже беличьей. Еще большую ценность представляет шкурка нутрии ("болотного бобра"), ввезенной к нам из Южной Америки в 1930 г.

По своим размерам (до 60 см) нутрия значительно превышает ондатру.

Рис. 11. Ондатра

Нутрия покрыта густым и грубым волосом, переходящим на брюхе в шелковистый пух. Цвет меха - серебристо-бурый. Длинный хвост покрыт чешуей.

Живет нутрия в прудах, кормится растительной пищей, часто огрызая сучья деревьев: зубы ее, если она не будет их периодически стачивать, отрастают слишком длинными.

Нутрия приносит детенышей - от трех до семи - дважды, а иногда и трижды в год, т. е.

размножается очень быстро. В возрасте полугода молодые нутрии уже начинают жить отдельно - парами - в собственных жилищах.

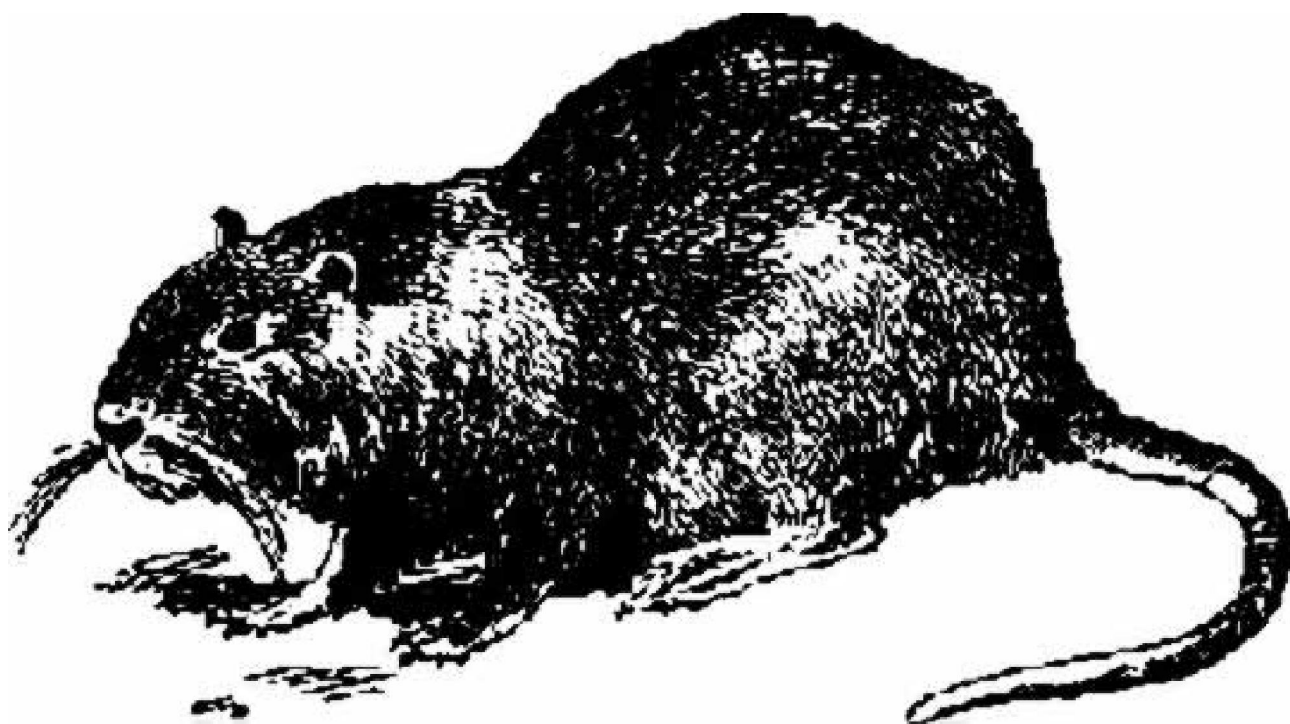

Рис. 12. Нутрия

Ондатра и нутрия разводятся и отлавливаются в плановом порядке. Молодые охотники - специалисты, работающие в этих хозяйствах, могут и должны обогатить нашу биологическую науку ценными наблюдениями из жизни этих малоизученных водяных грызунов.

В СТЕПНЫХ ПРОСТОРАХ СУСЛИК

Чудесна прогулка в степи погожим летним днем. В небе, просторном и теплом, круглятся, серебрятся и голубеют облака, по земле под шумным и жарким ветром зреют, колышутся хлеба. В хлебах, по краям, виднеются, однако, как бы выемки или вырезки - след хозяйничанья сусликов, которые вырыли здесь свои летние "дачные" норки. Этих выемок становится с каждым днем больше и больше. По словам П. А. Мантейфеля, "каждый суслик, поселившийся в посевах, съедает и портит за лето до шестнадцати килограммов зерна". По данным М. Д. Зверева, "если на гектаре посева поселится тридцать сусликов, то убирать урожай не придется. Прожорливые зверьки полностью уничтожат его".

В СССР насчитывается до десяти видов сусликов, но все они ведут примерно одинаковый образ жизни и имеют сходные повадки и привычки.

За исключением тонкопалого суслика, живущего в песках Средней Азии и Южного Казахстана, все суслики подвержены зимней спячке в подземных норах, входы в которые плотно забиваются землей.

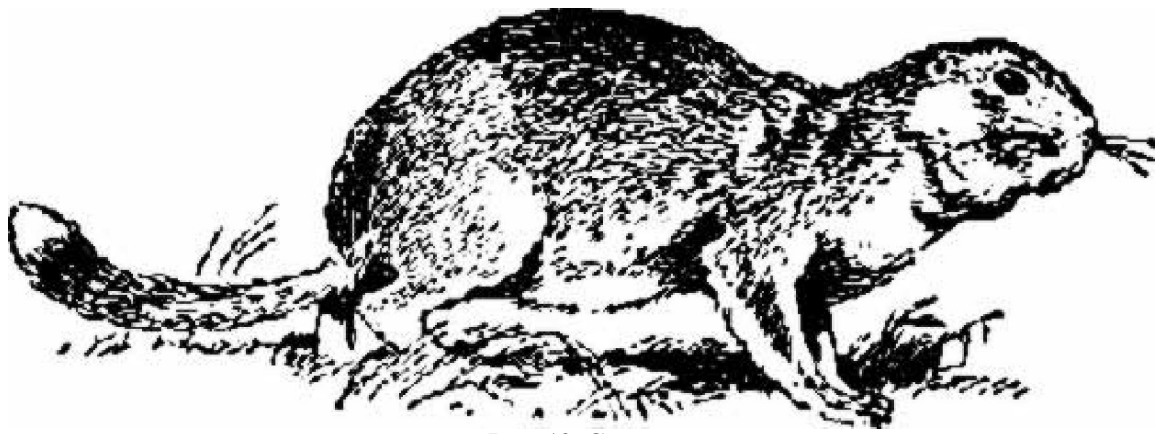

Рис. 13. Суслик

Весной по выходе из норы суслики спариваются; через тридцать с лишком дней появляются детеныши (от пяти до двенадцати). Самка мечет раз в год. Она воспитывает детенышей без помощи отца, он даже и близко не подходит к норе. Но, как утверждают некоторые натуралисты (М. Д. Зверев), "самец тоже трудится на благо семьи": он целыми днями роет глубокие норы с отнорками и "гнездовой камерой", куда натаскивает сухую, пахучую траву. Один суслик вырывает таким образом за лето до семи вполне оборудованных нор. Эти "квартиры" занимают молодые суслията, когда они покидают родительские норы.

Линька, происходящая у сусликов раз в году, заканчивается до залегания в спячку.

Самым подвижным и деятельным среди сусликов является длиннохвостый сибирский (размерами со взрослую белку и внешне чрезвычайно похожий на нее). Этот суслик обитает на громадном пространстве от Алтая и Тянь-Шаня до Ледовитого океана и Охотского моря. Он совершает большие кочевки и, подобно белке, переплывает широкие реки. Норы его встречаются не только в степях, но и в горных ущельях, в тундре и в лесу.

Суслик как вредитель посевов уничтожается в огромных количествах - в иной год заготавливается до сорока миллионов сусликовых шкур. Сусликов ловят капканами и петлями, травят в норах ядами, выслеживают с собаками.

Уничтожением сусликов занимаются не только молодые охотники, но и целые артели колхозников. Еще задолго до жатвы они выезжают в степь на грузовиках, потом, высадившись, цепочкой движутся по краю посевов и, наклоняясь, бросают в норы сусликов отраву, засыпая норы землей посредством лопатки.

Истреблению сусликов помогают и некоторые птицы из отряда хищников, в частности степной орел, а также сокол-пустельга, уничтожающий иногда около 200 молодых сусликов в месяц. Это еще раз напоминает о том, что многие из так называемых хищных птиц приносят большую пользу и потому подлежат всяческой охране.

СУРОК

Ближайший сородич суслика - сурок отличается от него прежде всего размерами: он значительно больше кошки.

В СССР существует около двенадцати видов сурков, однако каких-либо существенных различий в их образе жизни, как и у сусликов, нет. Сурки ведут дневную жизнь, обитают колониями, роют глубокие и удобные норы, зимой подвержены продолжительной спячке, размножаются и линяют раз в год.

Наиболее общеизвестным и распространенным является европейский степной сурок, так называемый байбак. Это местное название сурка давно вошло в обиход как синоним неподвижности, лени и т. д. Оно равносильно слову "лежебока".

Байбак - несколько неповоротливый, короткохвостый зверек, покрытый песочно-золотистым

мехом, в старину почти сплошь заселял черноморские степи. Об этом говорят, в частности, сохранившиеся кое-где следы прежних жилищ байбаков - сурчины, т. е. невысокие курган-чики; сурчины еще в конце прошлого столетия, когда было много целинных земель, встречались повсеместно.

Они производили впечатление как бы игрушечных городков.

Байбак селится именно только в целинной ковыльной степи. Особенно любит он степные просторы с каменистой (меловой) подпочвой. В распаханых степях байбак не живет; в противоположность суслику, он не приносит вреда посевам, быстро покидая те места, где развивается хлебопашество.

Рис. 14. Сурок

Байбак - животное со своими индивидуальными повадками и привычками. По описанию А. А. Силантьева, сурок, вылезая из норы, предварительно внимательно осматривается вокруг, чтобы убедиться в безопасности; если нет ничего подозрительного, он выходит наружу и, оборачиваясь мордой к норе, становится перед самым входом на задние лапы, передние опуская на грудь. Так он стоит иногда несколько минут, перекликаясь с товарищами свистом. Потом отправляется на прогулку (кормежку), иногда на соседнюю сурчину (они в колониях байбаков соединены ясно видимыми тропами). Если один из байбаков уже стоит "на часах", прочие смело рассыпаются вокруг. Некоторые из них тоже поднимаются на задние лапы.

Заметив орла, волка или лисицу, сурки поднимают громкий свист, предупреждая соседей об опасности.

Выражение в "Слове о полку Игореве": "Свист зверин вста" - относится, на мой взгляд, именно к суркам, поскольку оно с замечательной образностью передает их повадку ("дежурство")

на задних лапках и позывный свист).

Питаются байбаки различными травами, луковцами и клубнями; к числу любимых их кушаний относятся цветы и стебли одуванчика.

Погружение в спячку происходит у байбаков в конце сентября, выход из норы - в марте.

Спаривание бывает в апреле. Беременность длится приблизительно месяц, число детенышей 3 - 5.

Пищевых запасов на зиму сурки не делают...

Мех сурков представляет некоторую ценность, в особенности мех монгольского (забайкальского) сурка-тарбагана.

Кроме общераспространенной ловли капканами, есть и еще несколько способов охоты на сурков.

При охоте на байбаков применяется, например, "тележка" - деревянная ось на двух колесиках, замаскированная травой. Охотник под защитой такой тележки подбирается к сурку на довольно близкий выстрел. Некоторые сибирские и азиатские охотники искусно скрадывают сурков, по-пластунски подползая к ним из-за камней. Другие залегают близ норы, терпеливо дожидаясь появления зверька.

ХОМЯК

Осенью в степи заметны прямые и узкие тропинки, обрывающиеся на жнивьях, там, где росли и колосились хлеба. Они протоптаны за лето хомяками - такими же вредителями полей, как и суслики.

Хомяк - довольно крупный (до 30 см длины) грызун) неуклюжего вида, одетый в пушистый и гладкий мех, в цвете которого сквозит и черно-желто-бурый оттенок (на спине) и блестящая чернь (шея, брюхо).

Он распространен чрезвычайно широко - от наших западных границ до Енисея.

Особенно плотно заселяет хомяк Северный Кавказ, Казахстан, Западную Сибирь и Урал. В начале 30-х годов у нас ежегодно промышлялось до 8 миллионов хомяков.

Держится хомяк преимущественно поблизости от хлебных полей, а иногда на самих полях, но встречается и в других, самых разнообразных, местах: на огородах, лугах, в лесу и под сараями.

Хомяк питается главным образом хлебными зёрнами, корнеплодами, овощами и, кроме того, различными мелкими животными. Обитая поблизости от человеческого жилья, хомяк забирается в амбары и кладовые, уничтожая запасы продуктов. Иногда он съедает цыплят.

Рис. 15. Хомяк

Хомяк - самый злобный из всех грызунов: он смело бросается на собак и даже на человека.

Самка хомяка приносит (в мае месяце) от 5 до 18 слепых детенышей, прозревающих на девятый день. Через 15-20 дней они уже начинают вести самостоятельную жизнь, вырывая норки и добывая пищу. В течение лета у самки бывает два помета. Рожденная весной самка осенью уже способна к размножению.

Осенью, когда наступают заморозки, хомяк погружается в спячку в своей подземной норе, построенной очень умело, "хозяйственно" и прочно. Несколько камер, находящихся в норе, соединены одна с другой посредством ходов, которые тоже сообщаются между собою. В камеру-спальню, где спит на мелкой и теплой настилке пушистый хозяин, обычно ведут три хода: два наклонных и один вертикальный - прямой, как хорошо выточенная трость. Камеры для хранения запасов, а их бывает иногда до пяти, имеют форму яйца. Кладовые набиты преимущественно зернами и, в меньшей мере, картофелем, морковью, фруктами. Количество зерна превышает нередко 10 кг. Летом хомяк съедает за день от 60 до 100 г зерна, зимой - вдвое меньше. Хомяк носит зерно в нору в своих защечных мешках. Интересная биологическая особенность: когда хомяк попадает в воду, он раздувает эти мешки, наполняя их воздухом, и свободно держится на воде. "Эти защечные мешки служат ему вместо резинового спасательного круга", - удачно сравнил М. Д. Зверев.

Хомяков ловят капканчиками, которые ставят у выхода норы, чуть врывая их в землю; добывают и путем вливания воды в нору.

Промысел хомяка практикуется как осенью, так и весной, т. е. до начала и после конца линьки,

Шкурки с хомяков, сурков и сусликов снимаются "пластом" при помощи трех разрезов, из которых один проходит вдоль брюшка от нижней губы до основания хвоста, а другой - между задних ног; лапки обрезаются у основания ступни. Снятая и тщательно обезжиренная шкурка расправляется на дощечке мездрю наружу и укрепляется по краям мелкими гвоздями.

Мясо хомяка, как и мясо суслика, можно употреблять в пищу. По некоторым немецким данным, оно напоминает по вкусу мясо белки, которое еще Брэм считал очень питательным и вкусным.

ТУШКАНЧИК

Среди степных грызунов есть еще один, являющийся в какой-то мере предметом промысла: тушканчик, или земляной заяц [Ученые насчитывают чуть ли не 20 видов тушканчиков, но все они, за исключением "земляного зайца", слишком мелки и заготовки их шкурок не производится. Авт.].

Внешность тушканчика очень оригинальна: небольшой, чуть покороче бурундука, зверек имеет длинные, поставленные торчком, узкие уши, большие черные глаза на выкате, короткие передние лапки и очень длинные задние (в пять раз длиннее передних), с очень сильными мышцами в бедрах. Хвост тушканчика, с кисточкой на конце, значительно длиннее его туловища, даже с вытянутыми ногами. Окраска меха, мелкого, шелковистого и длинного, сверху желтоватая, под цвет песка, снизу - снежно-белая.

Тушканчик - чисто степной зверек, предпочитающий те места степи, где меньше растительности, связывающей его движения.

Чрезвычайно быстрый в движениях, тушканчик при беге пользуется одними задними лапами, прижимая передние к туловищу и откинув, для равновесия, хвост.

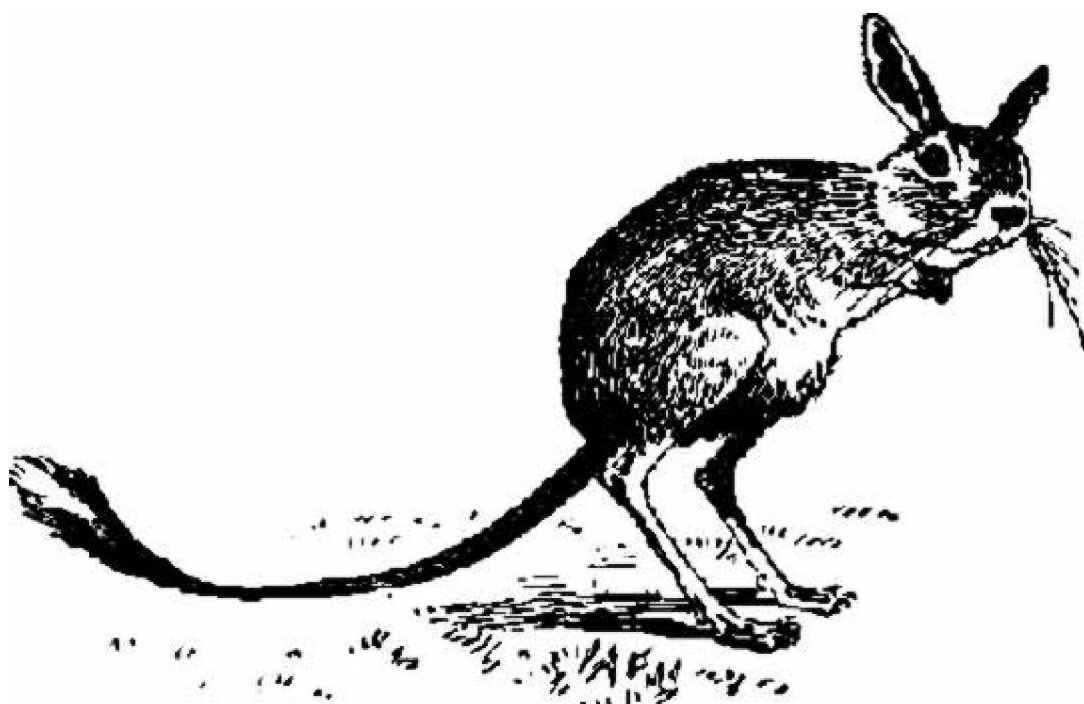

Рис. 16. Тушканчик

Прыжки его достигают иногда до полутора метров длины, - даже собаки не могут догнать этого порывистого и вертлявого, зверька, похожего на кенгуру.

Тушканчик питается только растительной пищей, почти совсем не трогая хлебных злаков. На бахчах он, однако, может приносить известный вред.

Зиму тушканчик проводит в спячке в очень глубокой и теплой норе. Весною самка приносит от трех до шести детенышей.

Тушканчик - ночное животное: он покидает нору с наступлением сумерек.

Ловят тушканчика маленькими дуговыми капканами или волосяными петлями, поставленными у норы.

...В охоте на степных грызунов нет, разумеется, той страстности, красоты и поэзии, которые свойственны охоте на зайцев или на белок. Но и добыча степных грызунов не лишена известного волнения и веселости, особенно при обходе капканов прохладным и ясным осенним утром, когда над степью густо голубеет небо и так тонко туманится беспредельная даль... Кроме того, уничтожение таких вредных грызунов, как хомяк и суслик, - дело подлинно государственного значения, способствующее повышению урожая. Молодые следопыты, добывающие шкурки этих грызунов, приносят большую пользу своему колхозу. Уничтожение грызунов-вредителей - одна из первоочередных задач колхозных охотников.

О СПОРТЕ СМЕЛЫХ (Послесловие)

"Комсомольская правда" метко назвала охоту "спортом смелых".

Охота действительно требует смелости духа и большой физической выносливости и закалки. Оставляя человека наедине с природой, охота вырабатывает в нем навыки следопыта. Если же молодой охотник в совершенстве овладеет искусством стрельбы, он, попадая в армию, становится снайпером. В процессе охоты, с ее упорной и длительной ходьбой по лесам и полям, по горам и болотам, с ночевками под открытым небом, с бегом на лыжах и ездой на лодке, вырабатываются и укрепляются сила, здоровье и характер. Охотник не боится трудностей и непрерывно учится умело и упорно преодолевать их.

Все это, однако, далеко не исчерпывает огромного воспитательного значения - охотничьего спорта. Этот спорт развивает пытливость ума и в ряде случаев помогает человеку стать писателем

и ученым. Такие замечательные ученые, как Пржевальский, Богданов, Мензбир, Житков, Бутурлин, Формозов, многим обязаны охоте, которой они занимались с детства. Аксаков, Черкасов, Фокин, Смелъницкий, Зворыкин, не будучи специалистами-учеными, внесли блестящий вклад в зоологическую и орнитологическую науку исключительно в результате своей многолетней охотничьей практики,

Спортивную охоту нельзя сводить только к добыче - это лишает ее содержания и смысла. Добыча, конечно, "венчает" труд охотника, но его не менее, а иногда и более, радуют и родственное общение с природой, и несравненное чувство отдыха, соединенное с острым волнением, и богатство разнообразнейших наблюдений, черпаемых из первоисточника.

Охота, физически закаляющая человека, прививающая ему знания и обостряющая его любовь к природе и родине, одновременно налагает на него твердые и нерушимые обязательства.

Охота имеет свою этику, эстетику и культуру.

Охота определяется государственными законами, и молодой охотник обязан безоговорочно выполнять их, как выполняет он все прочие законы. С нарушителями охотничьих законов, т. е. с браконьерами, необходима повседневная борьба. Следует пожелать, чтобы охотничья молодежь была застрельщиком в этой борьбе, создавая вокруг браконьеров, кто бы они ни были по чину и положению, атмосферу отчуждения и порицания. Браконьеров надо бичевать в печати и на вечерах самодеятельности, передавать их в судебные органы как расточителей народного добра.

У браконьеров есть "сводные братья" - шкурятники, "охотники", полагающие смысл охоты в максимальном количестве трофеев, порой совершенно безрассудном и ненужном. Эти "охотники-удальцы" формально не преступают норм закона, но нарушают правила охотничьей этики. С ними надо бороться путем воспитательной работы. Молодой охотник, берясь за ружье, должен помнить, что настоящий советский охотник не обедняет охотничью фауну, а всячески стремится к ее увеличению и обогащению.

Борьба с браконьерами - доблесть молодого охотника. Другая его доблесть - уничтожение хищников леса, поля и воздуха: волков, рысей, хомяков, сусликов, ястребов, болотных луней. Молодым охотникам города и деревни следует уничтожать хищных животных со всей энергией, изобретательностью и беспощадностью. В этих целях надо создавать жизнеспособные и дружные бригады, внося в дело истребления хищников весь молодой энтузиазм.

На охоте надо постоянно стремиться к красивому выстрелу (по бекасу, по тетереву, по чирку, по быстро бегущему зайцу и т. п.), поскольку лишь такой трудный и красивый выстрел дает наибольшее удовлетворение.

Легкий выстрел, особенно по сидячему зверю или птице, лишь увеличивает количество добычи, но не наполняет охотника законной гордостью за свое искусство.

Никогда и ни при каких условиях, даже если это и не противоречит закону, не надо стрелять в глухарку или тетерку (безразлично - старую или молодую), памятуя, что, воздерживаясь в этом случае от выстрела, охотник практически способствует увеличению количества дичи.

Осторожное и внимательное обращение с ружьем как на охоте, так и дома - поистине первоначальная обязанность молодого охотника. Решительно недопустимо, даже при охоте в одиночку, стрелять на уровне человеческого роста, а также взводить курки или переводить предохранитель без явной нужды или при ходьбе группой. Нужно всячески преодолевать излишнюю горячность и страстность на охоте: они могут повести к необдуманному и опасному выстрелу. Пример трагической смерти Коли Дмитриева, замечательного пятнадцатилетнего художника, возможно второго Левитана или Серова, должен крепко и прочно врезаться в память каждого молодого охотника [Коля Дмитриев был убит несколько лет назад случайным выстрелом своего спутника по охотничьей прогулке. Авт.].

Постоянный и бережный уход за ружьем тоже неотъемлемо входит в круг обязанностей охотника. И когда охотник начинает жаловаться, что его загрязненное ружье бьет плохо, хочется напомнить ему мудрую русскую пословицу: нечего на зеркало пенять, коли рожа крива.

На групповых охотах, в особенности на волчьих облавах, надо строго подчиняться всем требованиям и правилам дисциплины: не сходить с номера, стрелять только по верной цели, не предупреждать своим выстрелом, нередко гадательным, верный выстрел соседа. Вообще

групповые охоты должны быть целиком проникнуты чувством товарищества.

Есть, наконец, еще одно качество, которое отличает настоящего охотника, - его отношение к собаке. Работа собаки во многом зависит от того, как относится к ней охотник. Если собака не удовлетворяет чем-либо охотника, лучше сразу же расстаться с ней, нежели подвергать ее изнурительной, а подчас и мучительной, "учебе". Бить собаку - признак некультурности. Правда, во время дрессировки приходится иногда применять арапник, но это - самая крайняя мера, не всегда дающая притом желаемые результаты (и вспоминаемая часто со стыдом).

Хорошая собака, с одного взгляда понимающая охотника, - совершенно неоценимый друг и спутник на охоте. Как веселит и радует охотника дружный, часами неутихающий гон или крепкая, картинная стойка, и какой уют и тепло придает собака одинокой ночевке в глухом и таинственном лесу! Особенно одинокими кажутся эти ночевки в августе, в те лунные ночи, когда в запахе вянувших листьев и в точеной яркости звезд уже чувствуется осень... Всю ночь сидишь, бывало, у потрескивающего костра, тревожно вслушиваешься в каждый лесной шорох - и все же не чувствуешь одиночества: рядом лежит, нежно и ласково смотрит влюбленными и преданными глазами рыжий остроухий Орлик, которого не забыть мне никогда, как не забыть родных лесов и полей, где осталась моя охотничья юность.

О любви молодого охотника к родной природе говорить много не приходится: она свойственна всем настоящим охотникам, независимо от возраста. Остается лишь пожелать, чтобы она была действенной в борьбе за непрерывный расцвет нашего охотничьего хозяйства, за охрану всех природных сокровищ.

И, в заключение, еще одно пожелание, обращенное главным образом к охотникам - школьникам старших классов средней школы и к студентам, - о наблюдениях в процессе охоты и общения с природой. Эти наблюдения весьма часто представляют несомненный научный интерес, обогащая наши знания о мире животных, и потому нуждаются в записях, которые необходимо посылать в редакции охотничьих или других специальных изданий, а также в соответствующие научные учреждения. Советская наука должна созидаться коллективным трудом.

Николай Павлович Смирнов

«Охота на зайцев и других грызунов»

Редактор *С. В. Папмель*
Художественный редактор *А. Е. Золотарева*
Обложка художника *В. И. Смирнова*
Технический редактор *М. П. Минина*
Корректор *В. А. Гейшин*

Сдано в набор 7/1 1957 г. Подписано к печати 22/V 1957 г. Формат- 84 X 108 1/32. Объем 1,125 бум. л., 3,69 печ. л., 3,55 уч.-изд. л., 2,25 физ. л., 38482 зн. в 1 п л.

А 03925. Заказ 2191. Тираж 70000 (1 — 35000) экз. Цена 1 р. 05 к.

Издательство «Физкультура и спорт». Москва, М. Гнезниковский пер., 3. 3-я типография «Красный пролетарий»
Главполиграфпрома Министерства культуры СССР. Москва. Краснопролетарская, 16,